

ПЕРЕПИСКА В. В. РОЗАНОВА И Э. Л. РАДЛОВА

(Публикация Т. Н. Резвых)

Дошедшая до нас переписка В. В. Розанова и Э. Л. Радлова охватывает 1889–1917 гг. В год ее начала Розанов был учителем истории и географии в Елецкой мужской гимназии.¹ Это было то время, когда, как он писал в позднем автокомментарии к своей корреспонденции со Страховым: «Я почти ясно чувствовал, что у меня творится что-то неладное (надвигающееся или угрожающее помешательство, – и нравственное, и даже умственное) от учительства, в котором, кроме “милых физиономий” и “милых душ” ученических, все было отвратительно, чуждо, несносно, мучительно в высшей степени <...> В каждом часе, в каждом повороте – “учитель” отрицал *меня*, “я” отрицал *учителя*. Было взаиморазрушение “должности” и “человека»».² Розанова тяготило не только преподавание, но и коллеги-учителя, откровенно смеявшиеся над ним; «несимпатичный, угрюмый учитель (гимназии), написавший огромную книгу («О понимании»),³ немного сумасшедший, ходит летом в калошах и в меховой шапке в мае, п. ч. забыл или не знает, что тогда уже покупают шляпы»,⁴ был чужим человеком для провинциальных учителей.⁵ Причиной начала переписки между Розановым и Радловым и было стремление Розанова отстоять свои ком-

¹ Розанов прожил в Ельце с августа 1887 по август 1891 г.

² *Розанов В. В.* Примечание 1913 г. // *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Кн. 1. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2001. С. 22 (далее: ЛИ-1).

³ Подборка документов о книге: *Сукач В. Г.* Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва. 1992. № 1. С. 108–112.

⁴ *Розанов В. В.* Письмо П. А. Флоренскому. <20 сент. 1910 г.> // *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Кн. 2. П. А. Флоренский. С. А. Рачинский. Ю. Н. Говоруха-Отрок. В. А. Мордвинова / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.; СПб., 2010. С. 244 (далее: ЛИ-2).

⁵ См.: *Первов П. Д.* Философ в провинции (из литературно-педагогических воспоминаний) // В. В. Розанов: pro et contra: Антология. СПб., 1995. Т. 1.

ментарии к переводу «Метафизики» Аристотеля. В первом письме от 1889 г. из Ельца он просит сохранить хотя бы часть своих комментариев к Аристотелю, второе письмо сопровождается отправкой брошюры «Место христианства в истории». Возможно, их переписка бы на этом и прервалась, если бы Розанов не переехал в Петербург и корреспонденты не познакомились лично. Знакомство, вероятнее всего, произошло в Императорской Публичной библиотеке, где работал Эрнест Львович Радлов (1854–1928) – историк философии, переводчик, преподаватель философии.

Если коллегам было непонятно, как учитель мог написать книгу о «каком-то» «понимании», то тогдашнему позитивистскому философскому мейнстриму было непонятно ее содержание. Как писал Розанов в одном из своих примечаний к переписке с Н. Н. Страховым: «По отношению к Троицкому, Владиславлеву, по отношению к Лаврову, Михайловскому, вообще *по отношению ко всей русской действительности и действительному содержанию русской духовной жизни, русской умственной жизни*, – книга “О понимании” была колоссальным новым фактом, была совершенной перестройкой этой жизни».⁶ Главная идея книги в самом деле была для того времени необычной и состояла в трактовке разума как живого начала, развивающегося от потенциальной незаметной точки к актуальному бытию. Разум еще до всякого соприкосновения с внешним миром несет в себе потенцию чистого существования, его соприкосновение с внешним миром аналогично попаданию семени в почву. Раз выведенный из состояния покоя, он становится деятельным, на его основе формируются семь основных онтологических категорий: чистого существования, сущности, свойств, цели и причины, сходства и различия, числа. В этой книге впервые появилась стратегическая для всего розановского творчества идея потенциальности как «формы существования *в настоящем* того, чему предстоит или что может осуществиться *в будущем*»,⁷ «скрытое предсуществование всего действительного».⁸

В январе 1888 г. Розанов вступил в переписку с Н. Н. Страховым. Получив первое же письмо, Страхов принялся читать его книгу, а затем написал на нее рецензию. Однако, поняв общую идею книги как идею создания классификации наук, Страхов решил, что осуществле-

⁶ Розанов В. В. Примечание 1913 г. // ЛИ-1. С. 16.

⁷ Розанов В. В. О понимании / Под ред. В. Г. Сукача. М., 1996. С. 142.

⁸ Там же.

на она с позиций немецкого идеализма. Так, розановское различие между разумом и пониманием он уподобил кантовской дистинкции эмпирического и чистого разума.⁹ В письме Страхов писал: «Что наш ум содержит в себе нормы нашего познания – эта мысль провозглашена Кантом и до конца развита Фихте и Гегелем. Мне все кажется, что основания Вашей книги никак не могут разойтись с этим немецким идеализмом...».¹⁰ По Страхову, первые три первые категории Розанова (существование, сущность, свойство) целиком укладываются в гегелевскую триаду «бытие-сущность-понятие», и вся книга восходит в конечном счете к Гегелю. «Об Вашей книге вот что прибавлю: категории, по Гегелю, растут одна из другой; все их разветвления как будто выходят из одного семени, и он показывает процесс этого выхождения. Словом, для меня главная мысль Вашей книги – гегелевская; а что в книге много нового и хорошего, это несомненно; но ведь на первом плане – главная мысль, а не те частности, которые, может быть, вовсе с нею не связаны».¹¹ Розанову оставалось признать: «Страхов не совсем понимал книгу “О понимании”, и я это чувствовал все время знакомства с ним. И не совсем понимал так сказать *философскую часть* моего духовного организма, накладывая на него некоторые *свои схемы a priori*, взятые из этого германского идеализма. Он во мне искал Гегеля или части Гегеля, тогда как во мне не было ничего этого и вообще никакой части немца...».¹² По словам Страхова, Э. Л. Радлов тоже собирался писать отзыв на книгу, но статья так и не вышла, а скорее всего, и не была написана.¹³

Не замеченную Страховым идею потенциальности как взаимосвязи всего посредством рождения Розанов развивал в своих статьях конца 1880-х – середины 1890-х гг. Уже в «О понимании» он писал о том, что в неживой природе преобладает неопределенная, а в живой – определенная потенциальность, т. е. целесообразность. Потенциальность есть начальный момент каждой вещи мира в целом, все более определяющаяся, все более актуализирующаяся и заканчивающаяся чистым актом. В живых организмах она становится предустановлен-

⁹ *Страхов Н. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания.* В. Розанова. Москва. 1886 // ЖМНП. 1889. №. 9 (CCLXV). С. 126–127.

¹⁰ *Страхов Н. Н.* Письмо В. В. Розанову. 9 нояб. 1888 г. // ЛИ-1. С. 18.

¹¹ *Страхов Н. Н.* Письмо В. В. Розанову. 14 дек. 1888 г. // ЛИ-1. С. 24.

¹² *Розанов В. В.* Примечание 1913 г. // ЛИ-1. С. 16.

¹³ *Страхов Н. Н.* Письмо В. В. Розанову. 29 апр. 1889 г. // ЛИ-1. С. 12.

ной. В комментарии к письмам Страхова пишет, что идея «О понимании» родилась за набивкой табаку: «Я увидел “*destinationes*”^{*} – вечные, от земли к небу тянущиеся как бы растения, вершины коих держит Бог, поистине “*Все-Держитель*”».¹⁴ Эта идея была развита в статье «Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии» (1888), написанной в качестве предисловия к переводу «Метафизики», но опубликованной отдельно.¹⁵ В ней речь шла о том, что в причинных процессах, по законам которых развивается неживая природа, во-первых, не возникает ничего нового, а во-вторых, эти процессы слишком неопределенны для того, чтобы следствие было развитием именно данных причин. В органическом мире, напротив, процессы протекают по законам целесообразности, результат напрямую вытекает из источника, предопределен им и принимает строго определенные формы. К началу 1889 г. относится статья «Вопрос о происхождении организмов», где предпринят детальный анализ причинности, действующей в неорганическом мире, и целесообразности, действующей в сфере живой природы, а также в сфере идеального, как двух диаметрально противоположных процессов, структурирующих космос. В сборнике «Старое и новое» (1892) и работе «Красота в природе и ее смысл» (1895) Розанов показывает, как принцип телеологии действует в сфере истории и человеческого творчества.

Розановская концепция сложилась из трех источников. Чтение «Дарвинизма» Н. Я. Данилевского (три тома выходили в 1885–1889 гг.) подтвердило догадку Розанова, что эволюционная концепция не объясняет появление новых признаков, для этого необходим телеологический подход. Метафизика Аристотеля объясняла возникновение нового как раскрытие потенции. Всякий зародыш непременно осуществит свою форму, поскольку Бог как Перводвигатель движет Своей любовью все бытие. Однако у Аристотеля все причины (формальная, действующая, финальная и материальная) в равной степени образуют вещь, они гармонично взаимодействуют друг с другом. Розанов же противопоставляет причинность и телеологию. Эта идея восходит к лейбницевскому положению о том, что душа действует, следуя законам финальных причин, тело же следует законам дейст-

* определения (лат.).

¹⁴ Розанов В. В. Примечание 1913 г. // ЛИ-1. С. 115.

¹⁵ Оубл.: Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 3. С. 1–35 (далее: ВФП).

вующих причин. Всякое тело, по Лейбницу, есть божественная машина или автомат, действующий подобно часовому механизму, а душа обладает свободой. При этом каждое начало живет по своим законам: тела действуют так, как будто вовсе не было бы душ, а души действуют так, как будто не было бы никаких тел. Ни душа не нарушает законов тела, ни тело – законов души, но каждое находится в соответствии друг с другом, поскольку гармония двух царств предустановлена Богом. Для Лейбница конечные причины – это моральные причины, поэтому высшие монады, «духи», образуют Град Божий. Соединив аристотелевские и лейбницевские идеи, Розанов выстраивает модель бытия как непрерывного, предустановленного Богом-Перводвигателем процесса восхождения от причинного к телеологическому, неживого к живому, душевному и духовному. В программном сборнике «Старое и новое» именно ее он определяет в качестве основного принципа славянофильства. Ориентация же на поиск действующих причин, т. е. на механистическое понимание мира, с точки зрения Розанова, характерна для западничества и возникшего на его основе позитивизма. Идеям своей книге «О понимании» Розанов был верен всю жизнь и в «Примечании 1913 г.» к письмам Страхова писал: «Считаю ее вполне *точною*, вполне *правильною*, необыкновенно для науки *ценною*. Задача ее была: изложить, указать, определить, вывести: 1) признаки, свойства, *устройство*, так сказать, целесообразного процесса, 2) и – процесса механического. В Испании XI века она была бы принята с “Браво! Браво! Давай! Нужно!”. У нас просто на нее взглянули только, и с вопросом “что это” – отодвинули в сторону. “Наш Акакий Акакиевич ничему не удивляется и надо всем спит”».¹⁶

Ради того чтобы ускорить продажу «О понимании», Розанов специально написал работу «Место христианства в истории» (1890). Как пишет В. А. Фатеев: «Любопытно, что остатки ничтожного тиража еще долго сопровождали Розанова. Даже уже живя в Петербурге, он сетовал, в письме к протоиерею И. И. Фуделю (1895), что из-за отсутствия критики не расходятся остатки книги “О понимании” – хоть жги. В “Кукхе” Ремизова упоминается, что на складе журнала “Вопросы жизни”, выходявшего в 1905 году, хранилась розановская книга “О понимании”, а в небольшом очерке, посвященном Розанову, этот же писатель рассказывает, как уже в начале века он раздаривал

¹⁶ Розанов В. В. Примечание 1913 г. // ЛИ-1. С. 29.

всем полученную от автора его первую книгу и как Розанов, узнав об этом, ворчал, что раздарить (т. е. не продать) мог бы он и сам».¹⁷

К началу 1888 г. Розанов вместе с преподавателем классических языков П. Д. Первовым перевел первые пять книг «Метафизики» Аристотеля.¹⁸ Как вспоминал Первов: «Среди споров и рассуждений о планах будущего у нас явилась мысль начать серьезный труд по философии. Предстояло прежде всего пересаживать на нашу почву крупнейшие достижения великих философов человечества. Завершителем античной философии и родоначальником средневековой философии, имевшим наиболее продолжительное влияние на человеческую мысль, был Аристотель. Важнейшим его сочинением была “Метафизика”. На ней мы и остановились».¹⁹ Но для Розанова перевод был поводом углубиться в тему потенциальности. История перевода и его публикации подробно описана в переписке Розанова со Страховым и в подстрочных примечаниях 1913 г. к ней. Розанов попытался опубликовать перевод в журн. «Вера и Разум», но там было сказано, что «труд будет труден для большинства наших читателей»,²⁰ после чего он попросил Страхова устроить публикацию в «Журнале Министерства народного просвещения», где редактором был коллега Страхова по Публичной библиотеке, Эрнест Львович Радлов.

Страхов одобрил перевод, но настаивал на сокращении комментариев. «Примечания длинны от двух причин: иные слишком элементарны, другие наполнены Вашими собственными рассуждениями, например объяснением *понимания* – категории, которую Вам едва ли удастся установить (да бросьте Вы, пожалуйста, Владиславлева). Вообще, все не имеет достаточно ученой выправки».²¹ «“Метафизику” редакция тоже принимает, но отошлет ее к Вам для поправок. Редакция просит 1) сделать перевод еще ближе к подлиннику, избегая перифраз, и 2) выпустить примечания, кроме самых необходимых. Неудобны все примечания слишком элементарные или слишком далеко уходящие от текста».²² К сожалению, контекстный комментарий, сде-

¹⁷ *Фатеев В. А.* С русской бездной в душе. Жизнеописание Василия Розанова. СПб., 2013. С. 118 (далее: *Фатеев*).

¹⁸ Опубликовано: ЖМНП. 1890. № 2–3; 1891. № 1; 1893. № 7–9; 1895. № 1–2. Отдельное издание вышло в СПб. в 1895 г.

¹⁹ *Первов П. Д.* Философ в провинции... С. 96–97.

²⁰ *Розанов В. В.* Письмо Н. Н. Страхову. 15 февр. 1888 г. // ЛИ-1. С. 156.

²¹ *Страхов Н. Н.* Письмо В. В. Розанову. 18 марта 1888 г. // ЛИ-1. С. 10.

²² *Страхов Н. Н.* Письмо В. В. Розанову. 29 апр. 1889 г. // ЛИ-1. С. 12.

лав который, Розанов намного опередил современников, пришлось сократить, да и сам перевод был обречен остаться непрочтенным: Аристотель вплоть до начала XX в. мало интересовал русскую философскую среду.

Сквозная тема переписки – отношение Розанова к Соловьеву. Философы нередко полемизировали,²³ встречались и переписывались. В общей сложности Розанов посвятил Соловьеву около 20 статей; из них наиболее полно отражают отношение Розанова к Соловьеву следующие: «Ответ г. Владимиру Соловьеву», «Христианство пассивно или активно?», «К лекции Соловьева»,²⁴ «Что приснилось философу»,²⁵ «На границах поэзии и философии», некролог «Памяти Вл. Соловьева»,²⁶ «Еще о Вл. Серг. Соловьеве»,²⁷ «Об одной особой заслуге В. Соловьева»,²⁸ «Из старых писем. Письма В. Соловьева»,²⁹ «Религиозный “эклектизм” и “синкретизм” (Из воспоминаний о Влад. С. Соловьеве)».³⁰

Пока Розанов придерживался консервативных взглядов, ему «Соловьев казался тайным изменником православию», хотя потом признавал, что «этого нисколько не было и никогда не было. Он только критиковал, и жестоко и справедливо критиковал, нашу собственную

²³ Розанов полемизировал с Соловьевым в печати. Первый раз – по поводу веротерпимости (*Розанов В. Свобода и вера* // *Русский вестник*. 1894. № 1. С. 256–287 (далее: РВ); *Соловьев В. Порфирий Головлев о свободе и вере. Заметка* // *Вестник Европы*. 1894. № 2. С. 906–916 (далее: ВЕ); *Розанов В. Ответ г. Владимиру Соловьеву* // РВ. 1894. № 4. С. 191–211; *Соловьев В. Конец спора* // ВЕ. 1894. № 7. С. 286–312). В статье Розанов обосновывал, почему православная церковь должна быть нетерпима к инакомыслию. Соловьев же думал, что Розанов хочет «придушить католиков в России» (ЛИ-2. С. 430). Вторая полемика – по поводу христианства Пушкина (*Соловьев В. Судьба Пушкина* // ВЕ. 1897. № 9. С. 191–211; *Розанов В. Христианство пассивно или активно?* // *Новое время*. 1897. 28 окт. С. 2 (далее – НВ; *Фатеев*. С. 157–164; *Сарычев Я. В. Соловьев Владимир Сергеевич* // *Розановская энциклопедия* / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2008. Ст. 886–900 (далее: РЭ)).

²⁴ *Мир Искусства*. 1900. № 9/10. С. 192–195.

²⁵ НВ. 1900. 16 мая. С. 2.

²⁶ *Мир Искусства*. 1900. № 15–16. С. 33–36. Републ.: *Розанов В. В. О писательстве и писателях* // *Собр. соч.* / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 64–68.

²⁷ НВ. 1900. 20 авг. № 8793. С. 3.

²⁸ *Новый путь*. 1904. № 9. С. 157–170. Републ.: *Розанов В. В. Около церковных стен* // *Собр. соч.* / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 432–441.

²⁹ *Вопросы жизни*. № 10/11. Октябрь–Ноябрь. С. 377–390.

³⁰ *Русское слово*. 1911. 8 июля. С. 1–2. Републ.: *Розанов В. В. Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г.* // *Собр. соч.* / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2006. С. 150–160.

действительность».³¹ Очное знакомство Соловьева с Розановым произошло в 1895 г., в разгар полемики о веротерпимости,³² а инициатором знакомства был Соловьев,³³ незадолго до этого публично сравнивший Розанова с Иудушкой Головлевым. Вот розановское описание этого посещения и посетителя: «Он как бы молча признал, что ошибся, считая меня Иудой или даже сознательно клеветал», «он погружен в мысли об Антихристе теперь», «он пришел ужасно смятый какой-то; почти все молчал», «по личному моему впечатлению – Соловьев очень несчастный человек; как я его определил – все верно: в нем есть дары только к второстепенному: выучить еврейский язык, пройти сверх Университета – Духовную Академию, сказать о Достоевском речь – за которую “вышлют”, – это все он может; но уединиться, сосредоточиться, сохранить свое сердце от лукавства, – к мысли гениальной, героическому самоотвержению он не способен».³⁴ С. А. Рачинский, считая, что Соловьев должен был прийти с повинной, возмущался: «Пришел, как ни в чем не бывало, с визитом, попросить книжечки, побеседовать об антихристе»,³⁵ Розанов был иного мнения. Он вспоминал: «Критика, порицания и прямая брань в печати меня никогда не трогали. И со всяким бранящимся я не только был готов назавтра дружить, но и дружил в тот самый день, когда он бранился».³⁶ Но Соловьев для Розанова 1890-х гг. почти отвратителен: «Истинно бедный духом человек», у которого «нет музыки в душе»;³⁷ «мое сердце отпало от него, и он стал мне как бы вещь, а не человек».³⁸

16 мая 1900 г. в «Новом времени» Розанов опубликовал рецензию «Что приснилось философу» на последнюю статью Соловьева «О подделках», где тот вновь излагал свою идею христианской политики, долженствующую помочь установлению Царства Божия на земле. В конце автор говорил, что мыслит Царство Божие как полноту не только жизни индивидуальной, «но и социальной и политической,

³¹ Розанов В. В. Комментарий к письмам С. А. Рачинского // ЛИ-2. С. 427.

³² Отношение к вопросу о свободе вероисповедания – тема первого письма Соловьева к Розанову (Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1911. Т. 3. С. 42–43.)

³³ Розанов В. В. Комментарий к письмам С. А. Рачинского. // ЛИ-2. С. 430.

³⁴ Розанов В. В. Письмо С. А. Рачинскому. 14 окт. 1895 г. // ЛИ-2. С. 520–521.

³⁵ Рачинский С. А. Письмо В. В. Розанову. 21 окт. 1895 г. // ЛИ-2. С. 438–439.

³⁶ Розанов В. В. Комментарий к письмам С. А. Рачинского. // ЛИ-2. С. 439.

³⁷ Розанов В. В. Письмо С. А. Рачинскому. 23 сент. 1897 г. // ЛИ-2. С. 564.

³⁸ Розанов В. В. Письмо С. А. Рачинскому. 13 окт. 1898 г. // ЛИ-2. С. 581.

воссоединяемой через Христа с полнотою Божества». ³⁹ Тем самым Соловьев подтверждал свои старые идеи, и это означало, что разворот в сторону от теократии в «Краткой повести об Антихристе», как думали впоследствии Е. Н. Трубецкой и С. Н. Булгаков, был мнимым. Розановская статья, однако, не содержала в себе ничего аналитического, зато в ней было издевательское пророчество о скорой смерти Соловьева: «И ведь все понимают, что в условиях перепечатки в газете предисловия в книге – это только реклама. “Вот я умираю... Почти умер... Но я написал самую важную книгу – продается у Вольфа в Гостином дворе. Там о буддистах, Толстом и Антихристе. Писана эта реклама в Светлое Воскресение 1900 года. Владимир Соловьев”.

Так закатывается солнце нашей философии». ⁴⁰

Но после смерти Соловьева Розанов словно опомнился. В это же время он сближается с Мережковским, резко отходя от консерватизма. Раньше Розанов признавал только Соловьева-поэта, теперь же видит в нем мыслителя: «Соловьев умер; философ умер; религиозный человек умер: теперь он истинный философ и в истинной религии, когда мы в преддвериях, в потемках, около одного и около другого. Мы – внизу, он – “там”. Где “там”? Не знаем, только предчувствуем. Он теперь все знает, но уже для нас его особенное знание бесполезно». ⁴¹ Соловьева Розанов теперь характеризует как пророка, жалея, что это помешало ему быть успешным профессором: «На Западе Шопенгауэр или Гартман дают наиболее сходную параллель Соловьеву. Но в них есть только философия, почти без лучей, бегущих к Богу. В Соловьеве же богослов настолько же преобладал над философом, подчинял себе философа, насколько в тех двух философ подчинял и затенял малые крохи богослова». ⁴² Только теперь Розанов понял, что Соловьев был ключевой фигурой в религиозном движении интеллигенции: «Тревоги личного сознания, Бог как нужда моей совести – вот новое, что нарастает в нашем обществе, чего “раннею ласточкою” появился в нашей истории Соловьев. У нас раньше был Бог быта,

³⁹ *Соловьев В. С.* Собр. соч. / Под ред. и с примеч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радова. 2-е изд. СПб., 1911. Т. 6. С. 339.

⁴⁰ *Розанов В. В.* Юдаизм. Статьи и очерки 1898–1901 гг. // Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.; СПб., 2009. С. 447 (далее: Юдаизм).

⁴¹ *Юдаизм.* С. 522. См.: *Ёлишина Т. А.* 1) Тожество бытия и мышления (Владимир Соловьев и Василий Розанов) // Соловьевские исследования. 2004. Вып. 1 (8). С. 55–73; 2) Об особой роли Вл. Соловьева в идейно-художественном диалоге А. Блока и В. Розанова // Соловьевские исследования. 2010. Вып. 2 (26). С. 22–29.

⁴² *Юдаизм.* С. 527.

а нужен Бог закона совести». ⁴³ Если раньше Розанов раздражалось, что Соловьев публикуется в либеральном «Вестнике Европы», то теперь понимает: «Мистический ум Соловьева вообще “не знал, куда голову приклонить” в отечественной журналистике. И я крайне убежден, что и в “Руси”, и в “Русс<ком> Вестн<ике>”, и, наконец, в “Вестн<ике> Евр<опы>”, он, глубоко впечатлительный и, понятно, благодарный за приют идей своих, для журналов этих вовсе неудобных, напускал то оранжевые, то черные флеры на мысли свои, в сущности, глубоко одинокие и с “программами” журналов этих не согласующиеся в подробностях». ⁴⁴ Вспоминая свои прошлые консервативные убеждения как «непостижимые» и считая их теперь навязанными ему петербургским славянофильским кружком Т. И. Филиппова, а также предвзятым убеждением, что «в Пет<ербурге> все нигилисты и атеисты, и просто ему нужно провалиться сквозь землю», ⁴⁵ Розанов писал: «В пафосе Исайи пророка я воздвигал пирамиду Аскоченскому и, так сказать, терцинами Данте венчал главу идиотства. Все во мне горело сознанием греха, негодования на окружающее...». ⁴⁶ Когда же Соловьев при очередной личной встрече сказал ему, что «Вестник Европы» вовсе не хочет «удавить Россию», Розанов «skonфузился», «очнулся», «вышел из самогипноза», поскольку оказалось, что журнала «почти совсем не читал; так, изредка что-нибудь попадетя», «но именно пустота-то от реального и разжигает». ⁴⁷ Только теперь Розанов признал, что память об умершем – это воспитание себя, скорбя о том, что при общении они говорили не о том, о чем следовало: «Мы были очень дружны, потом опять поссорились из-за моей статьи о его “Судьбе Пушкина”, – а когда он умер, снова точно что-то было отнято от меня. Теперь только я чувствую, как о многом нужно было бы с ним поговорить». ⁴⁸

Впрочем, в частной переписке он и в 1900-е гг. отзывался о Соловьеве пренебрежительно: «Поразительно в то же время, до чего ничего *любопытного* не заключал в себе (так! – Т. Р.) Соловьев, Страхов (я его оч<ень> любил). Но с Соловьевым я б<ыл> дурак – не разговаривался о чертах. Он только в чертах и б<ыл> интересен: публицистика его, богословие его – по-моему г..... Только стихи прелестны. Но он

⁴³ Там же. С. 528. См.: Сарычев Я. В. Соловьев Владимир Сергеевич. С. 894–905.

⁴⁴ Розанов В. В. Комментарий к письмам С. А. Рачинского. С. 442.

⁴⁵ Розанов В. В. Письмо С. А. Рачинскому. 20 авг. 1894 г. // ЛИ-2. С. 505.

⁴⁶ Розанов В. В. Комментарий к письмам С. А. Рачинского. С. 440.

⁴⁷ Там же. С. 440–441.

⁴⁸ Там же. С. 430.

ужасно б<ыл> пошл тщеславием своим, барынями, “разными особами”, которые его окружали или у которых он немножко лизоблюдничал («знаком с самим графом», и даже «на ты»). Позор». ⁴⁹

Розанов и Радлов жили в одном городе, нередко встречались, и переписывались лишь изредка, в особых, требовавших того случаях: учреждение Философского общества, начало Религиозно-философских собраний, кризис в учебном ведомстве, издание переписки Соловьева, выход радловского философского словаря. За 20 лет их отношения существенно изменились. Розанов из робкого провинциального гимназического учителя превратился в известного консервативного публициста и главного участника петербургских интеллектуальных проектов, аккуратный учительский почерк превратился в небрежные каракули, просительные интонации и «уверения в почтении» сменились в его письмах к Радлову дружескими «пожиманиями руки» и предложениями зайти в гости. Радлов оставался все тем же известным в узких кругах историком философии, преподавателем и переводчиком, Розанова знала вся читающая Россия; Радлов был «участником» русского религиозного Ренессанса, Розанов – лидером; Радлов, как и прежде, боялся мыслить, Розанов стал «своеобразным учителем смелости» в философской мысли.

Последнее письмо Розанова Радлову можно приблизительно датировать первой половиной августа 1917 г. Вскоре после этого Розановы переехали в Сергиев Посад, в дом священника Беляева на Красноковке. 16 авг. С. Н. Дурылин записал в своем дневнике: «Как-то на днях я проходил мимо домика Нестеровых. М<ихаил> В<асильевич> стоял на терраске и манил меня: “А есть известие важное для Вас!” – “Что такое?” – В. В. Розанов приехал к Троице.

Оказалось, Катерина Петровна,⁵⁰ ездившая в Москву, встретила в вагоне двух господ, заинтересовавшись фразой: “Бенуа приходит к Философому...”, – она поглядела на них и решила, что один из них – Розанов: “маленький, рыженький с седенькой бородкой...”. Она спросила его: Розанов ли он? – Розанов. – Он едет к “другу моему о. Флоренскому”». ⁵¹

В этом письме Розанов упоминает о своей болезни, от которой он и умрет 23 янв. (5 февр.) 1919 г. О последних днях его жизни подроб-

⁴⁹ Розанов В. В. Письмо о. П. Флоренскому. 21 июня 1909 // ЛИ-2. С. 219.

⁵⁰ Нестерова Екатерина Петровна (урожд. Васильева; 1879–1955) – вторая жена М. В. Нестерова.

⁵¹ Дурылин С. Н. Из «Олонецких записок» // Наше наследие. 2011. № 100. С. 138.

но говорится в дневнике С. Н. Дурылина «Троицкие записки» (1918–1919). Одна из записей сделана 3 янв. (по ст. ст.):

«3-го. Вечером. Был у В<асилия> В<асильевича>. Ему худо. Язык плохо слушается, – как страшно: не повинуется. Речь не выходит. Он тих и сам про себя жалуется: “Я все хнычу”. Но не хныкал. Я принес ему стакан меда от С<офьи> В<ладимировны>.⁵² Он скушал ложечку. “Я только капельку”.

“Я все читал: гиметский мед. Что такое?”.

Я сказал. “Ну, вот я его мысленно ел прежде”. Молчал. Принесли бумагу и чернила – молчал, что-то думал, что-то думал выразить, но он был так беспомощен, так явно – уже вне писания, даже и “карякания” своего!

– Я знаю, что скоро умру, но когда – не знаю. Я весь словно в каком-то мареве.

Помолчал.

– Поцелуйте меня.

И мне что-то зашептал:

– Матовое. Матовое, – и еще что-то: “я ведь знаю, что это – грех...”. И мучительные усилия что-то сказать. Язык не хочет служить мысли. И другим шепотом, яснее, тверже, так, что Надя слышала:

– Христос Воскрес!

Я, пораженный, не нашелся, что ответить. И опять:

– Христос Воскрес!

Тут я наклонился над лицом его, – над милыми смотрящими глазами и сказал:

– Воистину воскрес!».⁵³

⁵² *Олсуфьева Софья Владимировна* (урожд. Глебова; 1884–1943) – работала реставратором предметов декоративного искусства в ГМИИ и музее-усадьбе Кусково, арестована в Сергиевом Посаде в 1941 г., умерла от истощения в лагере. Жена *Юрия Владимировича Олсуфьева* (1878–1938) – искусствоведа, автора целого ряда статей о церковном искусстве, заместителя председателя Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры, сотрудника Центральных реставрационных мастерских И. Грабаря, научного сотрудника отдела древнерусского искусства Третьяковской галереи, репрессированного и расстрелянного на Бутовском полигоне. Они жили в Сергиевом Посаде, в доме на ул. Валовая (№ 8), куда переселились по благословию старца Анатолия Оптинского сразу после отречения царя. См.: *Смирнова Т. В.* «...Под покров Преподобного». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007; *Вздорнов Г.* Юрий Александрович Олсуфьев // Вопросы искусствознания. 1993. № 4.

⁵³ *Дурылин С. Н.* Троицкие записки // Архив Мемориального Дома-музея С. Н. Дурылина. КП-2057/1. Л. 27.

Письма В. В. Розанова публикуются по автографам: РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, ед. хр. 1325; письма Э. Л. Радлова по: НИОР РГБ, ф. 249, м. 4215, ед. хр. 16. Датировки розановских писем возможно установить только по письмам Радлова, что нельзя сделать для неотвеченных корреспонденций. Их пришлось примерно датировать по общему смыслу и по характеру розановского почерка, постепенно претерпевавшего сильные изменения от почти каллиграфического, «учительского» до небрежного и плохо разборчивого. Орфография и пунктуация писем приведена в соответствие с современными нормами.

<1889. Елец>¹

Милостивый Государь
Эрнест Львович!

Прошу Вас извинить меня, что, не имея удовольствия Вас лично знать, решаюсь, однако, утруждать этим письмом и просьбою; я не решился бы на это без серьезных побуждений.

Мне было передано, что рассмотрение перевода «Метафизики» Аристотеля, сделанное моим товарищем П. Д. Первовым и мною, передано Вам.

Те указания, которые были прошлою зимою сделаны относительно примечаний к переводу, именно: оставить лишь те, которые прямо относятся к тексту, были приняты нами во внимание. По получении рукописи обратно я вычеркнул (красными чернилами) более половины примечаний, но все-таки многие из них оставил. Эти оставленные примечания, не относясь к грамматическому составу текста, могут, мне думалось, или помочь разъяснению его смысла, часто слишком сжато выраженного, или остановить над ним читателя, то расширяя этот смысл, то его ограничивая.

Вообще перечитывая примечания после указаний, переданных мне Н. Н. Страховым, я сам почувствовал чрезмерную неуместность многих из них; но, когда пишешь, этого обыкновенно не замечаешь.

Однако от этого недостатка, мне кажется, свободны оставленные примечания. И теперь я обращаюсь к Вам с просьбою: если хоть сколько-нибудь возможно и это зависит от Вас, сохраните их, или по крайней мере некоторую долю их; по причинам, которые здесь было бы неудобно объяснять, это имеет чрезвычайную важность для меня, и прошу Вас верить, что это не пустые причины, что они лишены всякого внешнего характера, о чем Вы могли бы подумать и чего я не хотел бы встретить в Вас по отношению к себе. Во всяком случае при дальнейшем переводе мы будем строго руководиться сделанными указаниями, вероятно идущими от Вас, хотя освободить его совершенно от примечаний едва ли будет возможно. Пока же позвольте выразить надежду, что Вы не лишите меня возможности всегда с благодарностью вспоминать о внимании, которого я прошу у Вас для настоящей просьбы.

С искренним уважением остаюсь

В. Розанов

Если бы Вы захотели что-нибудь сообщить мне о примечаниях к переводу, прошу Вас сделать это по адресу: г. Елец, Орл<овской> губ., Гимназия. Василию Васильевичу Розанову.

¹ Датировка по содержанию письма.

2

15 февраля 1889 г. Петербург

Милостивый Государь, Василий Васильевич.

Леонид Николаевич Майков,¹ редакт<ор> Ж.М.Н.П., просил меня сообщить Вам, что он согласен напечатать Ваш перевод. Введение к нему он напечатает отдельной статьей, причем Вам следует ее немножко посократить, однако так, чтобы не было ущерба в полноте указаний.²

Ваши примечания к переводу, конечно, бесполезны, но мне казалось бы, что Вы хорошо сделаете, если ограничитесь замечаниями исторического характера и разъяснениями текста в духе древ<ней> греческой философии; от слишком смелых сближений мыслей древних с философемами новых я советовал бы воздержаться. Что касается самого перевода, то прошу Вас его еще раз пересмотреть и обратить внимание на то, чтобы греческие термины были переданы однообразно и по возможности близкими понятиями из современной философии.

Извините меня, Милостивый Государь, что я так откровенно высказываю Вам свои соображения, которые, надеюсь, однако, не могут показаться Вам сколько-нибудь обидными. Я с самого начала высказался за необходимость напечатания Метафизики, и если высказал желание некоторых поправок, то столько же имел в виду выгоду журнала, сколько Вашу собственную.

Ваше дарование я научился ценить при чтении Вашей книги О понимании; хотя с содержанием ее я не могу согласиться, но дарование Ваше ценю и желаю ему развиваться вполне.³

Исправленную рукопись пришлите в Редакцию Ж.М.Н.П.

Примите уверение в почтении и преданности
Ваш Э. Радлов
Адрес: СПб. Императорская Публичная Библиотека
15 февраля 1889 г.⁴

¹ *Майков Леонид Николаевич* (1839–1900) – младший брат Аполлона Майкова. В 1883–1890 гг. редактор ЖМНП. Исследователь русской литературы, помощник директора Императорской Публичной библиотеки, действительный член Петербургской Академии наук. Автор исследований о русском эпосе, Батюшкове (редактор собр. соч.), Пушкине (*Эльзон М. Д.* Майков Леонид Николаевич / Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 462–463).

² Вступительная статья к переводу была напечатана Страховым отдельно под названием: «Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии» (ВФиП. 1890. Кн. 3. С. 1–35).

³ См. в письме: «Мне Радлов написал несколько строк, где, между прочим, выразил желание *зрелости* (и, конечно, прав, и хотя я и смеюсь теперь, но только от воспоминания, что в эту минуту у нас VIII класс пишет по геометрии на экзамен зрелости)» (*Розанов В. В.* Письмо Н. Н. Страхову. Май 1889 г. // ЛИ-1. С. 207–208).

⁴ Дата поставлена рукой Розанова.

3

<Начало 1890. Елец>¹

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Письмо, мною полученное от Вас в прошлом году, было мне так отрадно, что я пользуюсь настоящим случаем, чтобы сказать Вам, что Ваше доброе внимание ко мне и моему труду я никогда не забуду. Мне дорого оно в особенности потому, что, трудясь вдали от людей, от которых я мог бы слышать направляющее слово, и (сознаюсь в этом) не обладая далеко теми сведениями, которые нужны для выполнения задач, принимаемых мною на себя, я вот слышу от человека, владеющего всем, чего мне недостает, слово ободрения и поощрения (помните ли Вы Ваше письмо?). Собственно, кроме очень большой любознательности и, как выразился бы проф. Троицкий,² логической очевидности доводов, которыми я обставляю свои мысли или свои описания, я не имею за собою ничего. И помню, написавши свою книгу и в течение нескольких лет после ее выхода не слышав ни одного об ней слова от какого-либо человека, знакомого с философиею, я все время не умел правильно установить свой взгляд на нее.

И теперь и от Вас, и от Н. Н. Страхова слыша, что она ошибочна в целом своем, не могу (поверьте же, что тут самолюбие не играет абсолютно никакой роли) понять, в чем именно заключается моя ошибка. Если бы кто сказал мне это, хотя в двух-трех словах, как я был бы благодарен за это! Только отложивши ее, я понял, что все время, когда я ее писал, я работал, руководясь принципом потенциальности, особенно и очень сложного соотношения между логически возможным – с одной стороны, зачаточным и осуществленным в действительности – с другой. У меня много, по моей должности, ежедневного труда, но, кажется, я готов был бы несколько лет просидеть в тюрьме, где бы ничто меня не развлекало и я мог бы спокойно отдаться исследованию этого богатейшего и всеобъемлющего принципа, о котором не могу выразиться лучше, как сказав: вся природа есть только игра потенций, все ее законы – только законы потенциальности, и нет такого явления в ней, начиная с законов тяжести и кончая игрою нравственных чувств в человеке, которые не становились бы понятны при свете этого принципа. Бог весть, удастся ли мне когда-нибудь отдаться свободно изучению этого принципа и изложению мыслей об нем.³ Хотелось бы верить, что да, иначе я умру с горьким сознанием, что не высказал лучших мыслей своих, что наговорил много придаточных предложений, но не сказал главного, к которому они все примыкают. Сильно увеличивает мою литературную вялость и совер~~шен~~ный неуспех моей книги: она никуда не идет из магазинов, и мысли, мною высказанные, так и остаются, кажется, известными только мне. И обо всяком труде, который мне другой раз хотелось бы начать, я невольно думаю: зачем писать, для чего? Грустно становится, когда раздумываешься об этом. Я гоню эти мысли прочь, думаю, что и многие теперь испытывают то же, что я, но это мало помогает.

Посылаю Вам свою брошюру, «Место христианства в истории»,⁴ изданную мною с некоторою тайною мыслью, что она, как очень дешевенькая и о предмете общеинтересном, несколько поможет расхотиться и книге «О понимании». Впрочем, мысли, в ней высказанные, мне очень дороги, я в них вновь верю и только сожалею, что мне не удалось им дать большего развития. Спрашивал я Н. Н. Страхова, чтобы он узнал Ваше мнение о статье моей в Ж.М.Н.П. «Органический процесс и механическая причинность»,⁵ но он мне ничего не написал о нем: она больше обдумана и обработана, нежели какое-либо место в моей книге, и я придаю ей точность и строгость, к какой только способен. Насколько я могу Вас беспокоить, я и теперь, уже от-

крыто, прошу Вас сказать мне Ваше мнение об ней. Правда, в ней есть (как мне сказал Н. Н. Страхов) некоторая недоконченность, но в том, что уже написано, я не могу представить себе, чтобы могла заключаться какая-нибудь ошибка.⁶

¹ Датировка по содержанию писем 1, 2 и данного письма.

² *Троицкий Матвей Михайлович* (1835–1899) – философ-позитивист, профессор Московского университета (1875), один из инициаторов создания журн. ВФиП. Автор докторской диссертации «Немецкая психология в текущем столетии» (1867). Преподавал во время обучения Розанова и даже похвалил его курсовую работу, упрекнув, однако, в излишней оригинальности, чего Розанов ему не простил. О распространении позитивизма в философии Розанов написал работу: «Философские влияния в русском обществе» (ВФиП. 1890. № 3. С. 1–36), вошедшую в сборник «Природа и история» (СПб., 1900).

³ Розанов в это время собирался написать большую книгу «О потенциальности», которая обнимала бы «ангелов и торговлю» (*Розанов В. В.* Примечание 1913 г. // ЛИ-1. С. 8).

⁴ Речь, прочитанная на публичном акте в Елецкой гимназии 1 окт. 1888 г. Впервые вышла брошюрой (М.: тип. Э. Лисснера и Ю. Романа) в начале января 1890 г. тиражом 1200 экз., затем в «Русском вестнике» (РВ. 1890. № 1. С. 94–119). *Страхов Н. Н.* [Рец.] // НВ. 1890. 14 марта. С. 4. Без подп. См.: РЭ. С. 1466, 1641–1642).

⁵ Речь идет о статье «Вопрос о происхождении организмов», посланной Страхову в феврале 1889 г. (ЛИ-1. С. 195). Поскольку статья оказалась большой, Страхов разделил ее на части. Первая часть: Вопрос о происхождении организмов // РВ. 1889. № 5. С. 311–316; вторая: Органический процесс и механическая причинность // ЖМНП. 1889 № 4. С. 3–22. В дальнейшем целиком публиковалась в сборнике «Природа и история» (1-е изд. 1900).

⁶ *Страхов Н. Н.* Письмо В.В. Розанову. <Февраль. 1889> // ЛИ-1. С. 28.

<Конец 1890-х гг. Петербург>¹

Глубокоуважаемый
Эрнест Львович!

В субботу я возвращу Вам Геродота, взятого мною в Публичной библиотеке; и если Вас не затруднит, не откажитесь выдать мне из этой же библиотеки для занятий и не на очень продолжительное время:

1. Страбон – География, в переводе Мищенко.²
2. Schwenck. Die Mithologie der Aegypter. 1846 г.³
3. Uhlemann. Handbuch d<er> gesamt<en> Aegypt<ischen> Alterthumskunde.⁴

4. Chabas. Calendrier des jours fastes et néfastes de l'année égyptienne.⁵

5. Beauregard. Les divinités Égyptiennes.⁶

6. Paul Pierret. Le panthéon Égyptien. 1881 г.⁷

Простите, уважаемый Эрнест Львович, что отягощаю Вас этою просьбою, и примите уверение в моем совершенном почтении.

Ваш В. Розанов.

¹ Приблизительная датировка по содержанию письма. Поворот от консерватизма и славянофильства к новому религиозному сознанию, проблеме пола и возникновение интереса к Египту произошли у Розанова в конце 1890-х гг. См. в письме Э. Ф. Голлербаху: «Когда в 1895 или 96-м я кинулся в Публичную библиотеку “посмотреть египтян”, мне было важно уже только одно: какова цивилизация?» (*Розанов В. В. Письмо Э. Ф. Голлербаху. 8 августа 1918 г. // Розанов В. В. В нашей смуте. М., 2004. С. 357*). См.: Юдаизм. С. 339–342.

² Имеется в виду: «География» Страбона / Пер. на рус. яз. Ф. Мищенко. М., 1879.

³ *Конрад Швенк* (1793–1864) – немецкий филолог, исследователь творчества Софокла, Гете, Шиллера. Имеется в виду: *Schwenck K. Die Mythologie der asiatischen Völker, der Aegypter, Griechen, Römer, Germanen und Slaven. Frankfurt, 1843.*

⁴ Имеется в виду 4-томное издание: *Handbuch der gesammten ägyptischen alterthumskunde. Leipzig, 1857–1858*, написанное немецким египтологом Максом Ульманом (Max Uhleemann).

⁵ *Шабба Франсуа-Жозеф* (1817–1882) – французский египтолог. Имеется в виду: *Chabas François-Joseph. Le Calendrier des jours fastes et néfastes de l'année égyptien. Paris, 1870.*

⁶ Имеется в виду: *Ollivier-Beauregard G.-M. Les Divinités égyptiennes, leur origine, leur culte et son expansion dans le monde à propos de la collection archeologique de feu le docteur Ernest Godard. Paris, 1866.*

⁷ Имеется в виду: *Pierret P. Le panthéon Égyptien. Paris, 1881.*

5

<Конец 1890-х гг. Петербург>¹

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Спешно нужно мне прочесть о Мистериях, я думаю всего лучше 1) у Брокгауза–Ефрона 2) и у Порфирьева² или Караулова³ или Галахова,⁴ вообще в Истории русск<ой> литературы XVII в. Пожалуйста, снабдите посланную этими 2-мя книгами на 2 дня. О Соловьеве – потом.

Ваш В. Розанов.⁵

¹ Датировка по содержанию письма.

² Скорее всего, имеется в виду: *Порфирьев И. Я.* История русской словесности. Ч. I. Древний период. Устная народная и книжная словесность до Петра Великого. Казань, 1870.

³ Имеется в виду: *Караулов Г. Э.* Очерки истории русской литературы. Феодосия, 1865.

⁴ Имеется в виду: *Галахов А. Д.* История русской словесности, древней и новой: В 2 т. СПб., 1863–1875.

⁵ На обороте адрес: Загородный, дом 24. Его Превосходительству Эрнесту Львовичу Радлову, а в случае его отсутствия – его супруге или сыну-студенту от В. Розанова.

6

<Февраль. 1897. Петербург>¹

Открытие²

Собрание учредителей Философского Общества³ назначено к 2 марта 9 часам веч<ера> в ресторане Малый Ярославец.⁴ Распорядитель Э. Л. Радлов.

¹ Датировка по штемпелю.

² Адрес: Его высокоблагородию Василию Васильевичу Розанову. Петербургская сторона, Большой проспект, 26. Штемпель: С.-Петербург. 22.II.97.

³ Философское общество при Санкт-Петербургском университете (1897–1922). Председатель – А. И. Введенский, товарищ председателя – Э. Л. Радлов. Проект устава был выработан 25 марта 1897 г. на собрании в университете. См.: Философский журнал «Мысль» (1922) // Вопросы философии. М., 1993. № 5. С. 179–183; «Мысль» (1922). Реплика содержания // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 811–814; *Акулинин В. Н., Самылов О. В.* Философское общество при С.-Петербургском университете (1897–1923). Новосибирск, 1994; Издательство «ACADEMIA». Люди и книги. 1921–1938–1991 / Под общ. ред. В. А. Попова. М., 2004; Кроленко Александр Александрович. Дневник за 1928 год / Предисл., публ. и коммент. И. В. Дашок // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам (2011) <http://www.pushkinskijdom.ru> (электронное издание).

⁴ «Малый Ярославец» – ресторан, открыт в 1870-х гг. на Большой Морской ул., 8.

<Между летом 1894 и 1899 г. Петербург>¹

Глубокоуважаемый
Эрнест Львович!

Не откажитесь, будьте любезны, сообщить мне хоть в инициалах имена и отчества Лопатина,² Трубецкого³ и Преображенского⁴ и общий их адрес, т. е. адрес редакции Вопр<осов> ф<илософии> и псих<ологии>. Я последую Вашему совету и напишу им мягкое, увещательное и пр<очее> письмо о перемене решения; вообще, что нужно – все скажу. Дело в том, что некоторых чуть-чуть смелых мыслей мне нельзя провести иначе как в В<опросах> ф<илософии>, и тут дело не в самолюбии, не в гонораре, но в философском «быть» или «не быть».⁵ Я уверен – они смягчатся; ведь в существе они хорошие же люди. Но будьте добры – поспешите известием – Здесь, Петербургская сторона, Павловская улица, дом 2, кв. 24.⁶ В. В. Р<озано>ву.

Преданный Вам В. Розанов.

¹ Датировка по петербургскому адресу Розанова.

² *Лопатин Лев Михайлович* (1855–1920) – философ, профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества и редактор журн. ВФип. Друг и оппонент В. С. Соловьева. Представитель монадологической линии в русской философии. См.: *Половинкин С. М.* 1) Спор о субстанциях и о свободе между В. С. Соловьевым и Л. М. Лопатиным // *София. Философский альманах*. А. Ф. Лосев: Ойкумена мысли. Уфа, 2005. Вып. 1. С. 192–217; 2) Спор о субстанциях между Л. М. Лопатиным и кн. Е. Н. Трубецким по поводу истолкования наследия В. С. Соловьева // Там же. С. 217–225; *Ермишин О. Т.* Л. М. Лопатин против В. С. Соловьева (к истории одного спора) // *История философии*. М., 1999. Вып. 4. С. 44–55.

³ *Трубецкой Сергей Николаевич* (1862–1905) – русский философ, публицист, обществ. деятель. Профессор философии и первый выборный ректор Московского университета (1905), редактор журн. ВФип (1900–1905). Друг и последователь Соловьева. Автор курсов по античной философии: «Метафизика в Древней Греции» (1890), «Учение о Логосе в его истории» (1896). Главные философские сочинения: «О природе человеческого сознания» (1890) и «Основания идеализма» (1896). Его философские взгляды оказали влияние на младшего брата, Е. Н. Трубецкого. Критиковал Розанова по вопросу о Ходынской катастрофе: *Трубецкой С. Н.* Чувствительный и хладнокровный // *Русская мысль* (далее; РМ). 1896. № 9. Отд. II. С. 125–133.

⁴ *Преображенский Василий Петрович* (1864–1900) – философ, литературный критик, член совета и соредатор журнала ВФип.

⁵ В течение 1893–1900 гг. ни одной статьи В. В. Розанова в ВФип не появилось.

⁶ Сначала Розановы поселились в квартире № 1, которая была подыскана членами филипповского кружка; в этом же доме жил Н. Ф. Романов-Рцы, а неподалеку –

С. Ф. Шарапов и Н. П. Аксаков (*Фатеев*. С. 122–123), а летом 1894 г. переехали в кв. 24 (*Фатеев В. А.* Примечания // В. В. Розанов: pro et contra: Антология. СПб., 1995. Т. 1. С. 460). На Павловской Розановы жили в 1893–1899 гг.

8

<Между летом 1894 и 1899 г. Петербург>¹

Открытка²

Многоуважаемый Василий Васильевич.

Решение Ваше меня очень радует, спешу исполнить Ваше желание. Лопатина зовут Лев Михайлович. Преображенского – Василий Петрович, Трубецкого – Сергей Н. (кажется, Николаевич) не знаю.

Адрес редакции тот же, что и конторы: Москва, Большая Никитская, Брюсовский переулок. Дом Вельтищевой, кв. 28.³

Душевно преданный

Э. Радлов

Достоевская – Троицкая, д. 38.⁴

¹ Датировка по содержанию письма 7.

² Адрес: Его высочородию Василию Васильевичу Розанову. С.-Петербург. Петербургская сторона. Павловская улица. Дом 2, кв. 24.

³ Дом Анны Адриановны Вельтищевой, угол Брюсовского переулка и Большой Никитской ул. В 1900–1913 гг. редакция размещалась во Вспольном переулке, д. 13.

⁴ Приписка рукой В. В. Розанова. Очевидно, описка, поскольку А. Г. Достоевская, добрая знакомая и корреспондент Розанова с 1893 г., жила по адресу: Троицкая, д. 36, кв. 5. Ныне – ул. Рубинштейна. См.: Переписка А. Г. Достоевской с В. В. Розановым / Публ. Э. Гаратто // Минувшее. Париж, 1992. № 9. С. 258–293.

9

<Конец августа 1898 г. Петербург>¹

В течение случайного и почти мимолетного знакомства в Публ<ичной> библ<иотеке>, глубокоуважаемый Эрнест Львович, я так научился ценить Вас и все Ваши взгляды ли, отношения ли к людям, что мне было чрезвычайно больно увидеть в Вас резкую перемену в от-

ношении ко мне. Не сомневаюсь, что я чем-нибудь вызвал это (незаметным для меня), и прошу Вас – если причиною была какая-нибудь моя неловкость в отношении к Вам – извинить меня; а если причиною было что-нибудь более общее, напр<имер> мнения мои и пр., то прошу подумать, что мнений моих известна Вам только часть и вовсе неизвестны их причины, так сказать часовой механизм со стрелками: и здесь, осуждая, Вы можете ошибиться. – Прошу Вас не отказаться переслать мне почтою оттиск статьи о московских философах, данной Вам весною;² я жалею, что своевременно не напечатал его: это такие дубовые господа (имею причины так думать), со всеми «чем хуже, тем лучше», какие-то «прозябающие», которые никак не могут вырасти. Готовый к услугам Ваш В. Розанов

Адрес: Здесь, Петербургская сторона, Павловская ул., В. В. Розанову

¹ Датировка по содержанию письма 10.

² Название статьи не удалось установить.

10

1-ое Сентября 1898.

СПб

Многоуважаемый Василий Васильевич

Ввиду того что Вы сообщили мне неточный Ваш адрес (не указан № дома), письмо не может быть послано заказным, а я не решаюсь послать Вашу статью простым письмом, посему потрудитесь сообщить № Вашего дома и квартиры или же взять статью лично в Библиотеке.

Никакой перемены в отношении к Вам во мне не произошло; если я был с Вами несколько резок в Пятницу, то причина этому совершенно необычная; прошу Вас великодушно простить мою резкость, я по-прежнему готов служить, чем могу. Не скрою, впрочем, что Ваши суждения о лицах мне близких не всегда приятны, но это Ваше дело, в которое я не имею ни прав, ни намерения вмешиваться.

Примите уверение в совершенном к Вам уважении и преданности

Э. Радлов.

<Между 14 февр. и 11 сент. 1901. Петербург>¹

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Вы выразили любезную готовность когда-нибудь увидеть меня у себя. Я же очень хотел бы с Вами побеседовать о том, что полезно, нужно и возможно для университета² в сии дни смерти и зарождения.³ Думаю, это может быть и не только мне, но и вообще полезно, ибо кое-что можно провести будет в печати (хотя я не знаю: можно ли: но хочется знать, что проводить, раньше чем пытаться проводить). Если Вы будете свободны и не питаете антипатии к моему посещению, не откажитесь назначить мне, когда я мог бы Вас посетить (кроме среды этой недели), и, по возможности, назначьте два срока, дабы я мог выбрать один, т<ак> к<ак> все мы относительно времени не абсолютно свободны и более связаны сею категорию, чем располагаем ею.

Ваш готовый к услугам В. Розанов.

Адрес: СПб., Шпалерная, д. 39, кв. 4.⁴
Вас<илий> Вас<ильевич> Розанов.

¹ Датировка по содержанию письма, а также письма 12.

² Самая первая статья с критикой системы просвещения в России была написана Розановым еще в 1893 г.: «Сумерки просвещения» (РВ. 1893. № 1. С. 29–54; № 2. С. 60–86; № 3. С. 15–36; № 6. С. 106–135), в 1899 г. вышел сборник «Сумерки просвещения. Сборник статей по вопросам образования».

³ 14 февр. 1901 г. студент, член партии социалистов-революционеров, П. В. Карпович убил министра просвещения Н. П. Боголепова за то, что в результате студенческих волнений были отданы в солдаты 183 студента Киевского университета. Розанов в «Новом времени» отозвался на гибель Боголепова: *Розанов В.* Кончина министра народного просвещения // НВ. 1901. 3 марта (републ.: *Юдаизм*. С. 603).

⁴ На Шпалерной, д. 39, Розанов жил с 1899 по 1905 г.

<Между 14 февр. и 11 сент. 1901. Петербург>¹

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Не позволите ли Вы мне под заглавием «Разговор с профессором» передать в печать часть разговора с Вами об университете, без

упоминания фамилии Вашей и специальности<?>.² Это – удобная форма, и диалог допускает такие оттенки, оживление и дальнейшее развитие, какие в монологе недостижимы. Вообще – это только форма. О разговоре с Вами даже в Редакции никто не знает, да и вообще я тоже как сосед до крайности неболтлив. Если да, то уведомите меня по адресу: Вас<илию> Вас<ильевичу> Розанову – Шпалерная, д. 39, кв. 4. На Соловьева я подписался.³

Вам преданный В. Розанов.

¹ Датировка по содержанию писем 10 и 11.

² *Розанов В. В.* Разговор с профессором // НВ. 1901. 12 сент. Продолжение: Из бесед с профессором. 16 и 17 сент. Републ.: Юдаизм. С. 700–708.

³ Через два месяца вышел первый том 8-томного Собрания сочинений Соловьева под ред. М. С. Соловьева. См.: *Розанов В. 1*) [Рец.:] Собрание сочинений Владимира Серг. Соловьева. Том I (1873–1877). С.-Петербург. 1901 // НВ. 13 нояб. 1901 (Юдаизм. С. 732–739); 2) [Рец.] Собрание сочинения Владимира Сергеевича Соловьева. Том II (1878–1880). С.-Петербург. 1901 // НВ. Иллюстрированное приложение. 1902. 13 февр. С. 10–11; 3) [Рец.:] Собрание сочинений В.С. Соловьева. Том третий. СПб., 1902 // НВ. 1902. 20 сент. С. 2.

13

<11 сент. 1901 г. Петербург>

Многоуважаемый Василий Васильевич¹

Я ничего не могу иметь против того, чтобы Вы напечатали в «Нов<ом> Времени» содержание наших разговоров, ежели Вы их находите достойными печати, но должен убедительно просить Вас о том, чтобы не только моего имени и фамилии не было упомянуто, но чтобы вообще не было бы никаких индивидуальных черт, по которым можно узнать Вашего собеседника.

Искренне Вас уважающий и преданный
Э. Радлов

11-ое Сент.
1901.

¹ Письмо на бланке редакции ЖМНП.

Петербург

5-ое Марта 1902¹

Многоуважаемый Василий Васильевич

Вы оказали бы мне великое одолжение, если бы согласились при-
слать графу Орлову-Давыдову (карточку с адресом прилагаю) два
приглашения на собрание религиозно-нравственного кружка,² имею-
щего быть 7-го Марта вечером. Одно приглашение для графа Алексея
Анатольевича,³ а другое для его друга барона Мейендорфа.⁴

Ежели, по каким-либо причинам, Вы не признаете возможным
исполнить мою просьбу, то все же напишите графу несколько слов
о том, возможно ли и каким путем проникнуть на означенное собрание.

Извиняюсь за причиняемые хлопоты

Искренне преданный Вам Э. Радлов

¹ Письмо на бланке редакции ЖМНП.

² Речь идет о Религиозно-философских собраниях. 7 марта 1902 г. проходило 7-е заседание «О свободе совести», где был зачитан доклад кн. С. М. Волконского «К характеристике общественных мнений по вопросу о свободе совести». Протокол был опубликован в «Новом пути» (1903. № 3). «Каждый стремился попасть на них хотя бы раз, хотя вход на заседания был ограниченным, по приглашениям» (*Фатеев*. С. 280).

³ *Орлов-Давыдов Алексей Анатольевич* (1871–1935) – обществ. деятель, член IV Государственной думы от партии прогрессистов. Член Прогрессивного блока. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

⁴ *Мейендорф Александр Феликсович* (1869–1964) – юрист и полит. деятель, двоюродный брат П. А. Столыпина. Член «Союза 17 октября», депутат III и IV Государственных дум, член Прогрессивного блока. С 1918 г. жил в Риге, затем в Англии. Преподавал в Лондонской школе юридических наук.

<Начало марта 1902 г. Петербург>¹

Постараюсь, дорогой Эрнест Львович, хотя это почти невозможно для завтрашнего дня. Каждое новое допущение обсуждается большим составом членов, и таковое обсуждение уже было в воскресенье. Исключений ни для кого не делается. Об этом я ему сообщу, как Вы пишете. Ваш преданный В. Розанов.

¹ Датировка по содержанию письма 14.

<Ноябрь 1906 г. Петербург>¹

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Я получил от очень образованного псаломщика нашей Церкви в Женеве письмо, которое здесь прилагаю с просьбою не отказаться прочесть его: и дать мне указание или совет, какой я мог бы переслать этому редко милому и прекрасному человеку, работающему, культурному и уравновешенному, что встречается у расшатанных русских только в среде удавшихся духовных. Мне думается, ему нужно вторично послать, при прошении, книгу на рассмотрение Ученого комитета Мин<истерства> нар<одного> просвещения, и вообще начать все сначала, как бы прежнего рассмотрения и не было. Не одобрить его книгу – варварство. Ведь о Святках у нас нет ничего, нет литературы, тогда как на Западе – это отдел науки и литературы народного творчества. Швидченко² – «новая метла» в этом деле, и он не только перечитал массу западной литературы о Святках, но изъездил, собирая крохи рождественских обычаев и легенд, Малороссию, Румынию и Галицию. Такого дела нельзя не ценить, хотя бы с точки зрения трудолюбия, замысла. Синод «запретит» это как «язычество», но Министерство нар<одного> просвещения вправе смотреть на это как на поэзию и народный отдых.

От себя прибавлю к его просьбе: это также редко достойный человек (мы 3 недели были ежедневно с ним вместе, в Женеве,³ в Веве⁴ и Бэ⁵), что если бы Вы нашли возможность устным добрым словом повлиять среди членов Учен<ого> Комитета на одобрение его книги – я был бы Вам очень признателен. Сам я эту книгу читал, разумеется. Ваш искренне В. Розанов.

Адрес: Бол<ьшой> Казачий пер., д. 4, кв. 12.⁶ – Вас<илию> Вас<ильевичу> Розанову.

¹ Датировка по содержанию письма 17.

² Швидченко Евфимий Созонтович – собиратель и исследователь народной музыки.

³ Розанов вспоминает поездку по Швейцарии и Германии в 1905 г. Размышления о ней вошли в книгу «Итальянские впечатления» (СПб., 1909).

⁴ Ве́ве (Vevey) – город на западе Швейцарии в кантоне Во.

⁵ Бэ́ (Bex) – город в Швейцарии, с соляными шахтами.

⁶ На этой квартире Розанов жил в 1906–1909 гг. В. А. Фатеев объясняет частые переезды тем, что «глава семейства терпеть не мог неудобств, вызываемых ремонта-

ми, и когда квартира приходила в запущенное состояние, он предпочитал погрузить весь скарб на многочисленные подводки и перебраться на новое место» (Фатеев. С. 333).

17

Петербург

27-ое Нояб. 1906¹

Многоуважаемый Василий Васильевич

Рецензия на книгу Вашего знакомого была помещена в «Народном Образовании» за 1903 г. №№ VII или VIII; писал ее г. Мирополицкий, которого я не знаю.² В рецензии говорится, что г. Швидченко чрезвычайно расположен к языческим обрядам; автор, г. Мирополицкий, находит, что такие воззрения не согласны с принципами христианского воспитания.

Надежды на то, что г. Мирополицкий изменил свой взгляд с 1903 г., нет никакой, посему представлять книгу вновь в Ученый Комитет – бесполезно. Большой успех имело бы обращение к министру или товарищу министра О. П. Герасимову.³ Осип Петрович человек очень умный и знает цену обвинений в склонности к язычеству. Думаю, что Вам следовало бы сходить к г. Герасимову (или к Министру) и легко переговорить, тогда, может быть что-нибудь и выйдет из Вашего дела.

Очень сожалею, что не могу дать Вам более удовлетворительного совета.

Искренне вам преданный
Э. Радлов

P. S. Письмо г. Швидченко при сем возвращаю.

Может быть, прежде чем пойти к тов. Министра, полезно было бы переговорить с Председателем Ученого Комитета Николаем Яковлевичем Сониным.⁴

¹ Письмо на бланке редакции ЖМНП.

² Рецензия на книгу Швидченко подписана псевдонимом «Попов»: *Попов А.* [Рец.:] Швидченко Е. (Б. Быстров). Святочная хрестоматия. Литературно-музыкально-этнографический сборник для семьи и школы. Стр. XVI+520. СПб., 1903. Ц. 1 р. 60 к. // Народное образование. 1903. Июль–август. С. 101–102. Фамилия автора написана Радловым ошибочно. Автор статьи – Сергей Иринеевич Миропольский (1842–1907), писатель, автор учебных пособий и книг по педагогике, член Синодального учебного комитета. С 1896 г. издавал на средства Синода журн. «Народное образование», где

писал о преимуществе церковно-приходских школ. С точки зрения рецензента, совершенно не нужно знакомить христианских детей с полуязыческими обрядами Святков. «Народные суеверия, забавы и обычаи чем скорее исчезнут в христианском обществе, тем оно будет возвышеннее и чище. Что поучительного или достойного подражания в рассказах о том, что христиане праздновали и празднуют Рождество Христово наполовину по-язычески, наполовину по-христиански?» (Там же. С. 101). Рецензент не рекомендовал книгу для церковных школ. Розанов написал на нее рецензию: *Розанов В. Зимний праздник // НВ. 1911. 25 дек. № 12856* (републ.: *Розанов В. В. Террор против русского национализма: Статьи и очерки 1911 г. М. 1911. С. 326–329*).

³ *Герасимов Осип Петрович* (1863–1929) – с ноября 1905 до 1908 г. – товарищ министра народного просвещения.

⁴ *Сонин Николай Яковлевич* (1849–1915) – математик, академик Императорской Академии наук (1893), председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения (1901).

18

<Ноябрь 1906 г. Петербург>¹

Горячо благодарю Вас, Глубокоуважаемый Эрнест Львович, за хлопоты по добыванию и сообщению сведений, касающихся книги Швидченко. Какой, однако, с<укин> с<ын> этот рецензент его книги: похоронить труд, внимательный и ученый, глубоко христианского писателя (я его лично знаю) только за сообщение публике сведений, касающихся обычаев и обрядов, идущих от Гостомысла... Этому с<укину> с<сыну> следовало тогда подать записку в Учебный бы Комитет о запрещении читать Гомера и Вергилия в гимназиях. Этакий олух! Вот от таких-то олухов и Цусима, и Мукден, и вся Русь гибнет. Ну, простите, что разгорячился. А вспоминаете ли Вы нашего милого Ник<олая> Ник<олаевича> Страхова?² Какой б<ыл> прелестный человек! Позволяю себе крепко пожать Вашу руку. Ваш В. Розанов.

¹ Датировка по содержанию письма 17.

² Н. Н. Страхов умер 24 янв. (5 февр.) 1896 г. Розанов написал о нем несколько статей, среди которых: О борьбе с Западом, в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов // ВФиП. 1890. Кн. 4. С. 27–64; Н. Н. Страхов (†24 января 1896 г. // Русское обозрение. 1896. № 9 (некролог); [Рец.:] Н. Н. Страхов. Критические статьи (1861–1894). Том второй. Издание И. П. Матченко. Киев, 1902 // НВ. 1902. 22 авг. С. 2 (под назв.: «К литературной деятельности Н. Н. Страхова»). Ср.: «Ничего не добился, и теперь, через 18 лет после кончины, имя Страхова лишь немногими помнится, почти исключительно в кругах лично его знавших людей, – а “образ его мыс-

лей“, т. е. его “главное”, являет тот безнадежный туман, который он, человек *точного ума*, отбросил бы с негодованием, как что-то даже худшее *полного незнания*. Россия не воспользовалась его мыслями и не взяла его мыслей. Для России он есть *молчание*» (Розанов В. В. Примечание 1913 г. // ЛИ-1. С. 52). См.: Радлов Э. Несколько замечаний о философии Н. Н. Страхова. СПб., 1900.

19

Петербург

28-ое Дек. 1907¹

С Р<ожеством> Х<ристовым>
С предстоящим Новым годом!

Многоуважаемый Василий Васильевич

Кружок лиц, друзей и почитателей Влад<имира> Соловьева изда-ет его письма; на меня возложена обязанность собирателя и редактора. Вот я и обращаюсь к Вам с просьбою отправить мне Ваши письма (т. е. письма Соловьева, имеющиеся в Вашем распоряжении). Я знаю, что Вы часть их опубликовали в «Вопросах Жизни»² и в «Золотом Руно».³ Если Вы дадите разрешение перепечатать их и в Вашем владении нет других, то разрешением Вашим мы и можем удовлетвориться. Я просил бы у Вас только оттиск писем из «Золотого Руна», ибо его издания я не имею.

Искренне Вам преданный
Э. Радлов.

¹ Письмо на бланке редакции ЖМНП.

² Имеется в виду публикация: Розанов В. Из старых писем. Письма В. С. Соловьева // Вопросы Жизни. № 10/11. Октябрь–Ноябрь. С. 377–390. Это была его единственная публикация в «Вопросах жизни».

³ Продолжение публикации писем: Золотое Руно. 1907. № 2. С. 49–59; № 3. С. 54–62.

<Конец декабря 1907 г. Петербург> ¹

С Новым Годом
И праздником

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Письмо Ваше поставило меня в большое затруднение: «Зол<о-тое> Руно», где сполна все б<ыло> напечатано (т. е. перепечатано начало из «Вопр<осов> Жизни»), оттисков не дает, и у меня их не было. Самый же журнал куда девался – не могу себе представить. Я его искал по квартире, в книгах и проч., получив Ваше письмо, и – не нашел пока. Буду искать и далее, но не уверен, найду ли.

Дружески жму руку, Ваш всегдашний почитатель и благожелатель

В. Розанов.

¹ Датировка по содержанию письма 19.

Петербург

23-е Окт. 1908¹

Многоуважаемый Василий Васильевич

Был сегодня у Вас, но швейцар Ваш сказал, что Вы никого не принимаете, ввиду сего не буду делать новой попытки повидать Вас, не получив предварительно Вашего разрешения.

Повидать Вас мне необходимо. Я мог бы прийти сегодня вечером, но очень устал, ибо дважды выходил из дому. Не зайдете ли Вы сегодня вечером?

Завтра я целый день свободен и могу зайти к Вам в какой угодно час.

Преданный Вам Э. Радлов.

¹ Письмо на бланке редакции ЖМНП.

<27 окт. 1908 г. Петербург>¹

Много лет уже я почти ничего не читаю, Эрн<ест> Л<львович>, но статью Вашу дочитал до стр. XVIII, – верно, прочту и дальше. Самое важное: «Во всей его деятельности в каждой строке чувствуется, что им владеет одна затаенная мысль».² Именно это и сообщает любопытство и интерес, которые не кончаются, личности С<оловье>ва. Был ли он основателем русск<ой> фил<ософии>? Мне кажется – нет, и от того, что еще вообще Россия умственно не определилась. Основывает тот, кто кладет зерно, несет яйцо, от коего что-либо необходимо и невольно развивается далее <?>

Между тем VIII т. С<оловье>ва скорее обрубается кронами деревьев, кустов, трав, – словом, это избыточность или букет, – но никак не зерно. Он поздний писатель по духу, а не ранний писатель, не закладчик фундамента.

Но Вы его очень любите, это чувствуется в статье, и это так приятно читателю. Статья оч<ень> уместна и хорошо написана. Кстати, я книги Величко³ не читал, а кажется, там много от самого С<оловье>ва: мне кажется безусловно необходимым, раз издаются «Письма В. С. Соловьева», взять оттуда письма. Также Вы упоминаете о важном письме, «опубликованном в Вопросы философии» в 1905 г.: тоже надо взять и перепечатать.⁴ Пожалуйста! Вы все пишете: «смотри», но будьте уверены, что никто «смотреть» не будет и отчасти не может: где же бегать в библиотеку с Вашей статьей в руках. Тут Вы неопытны как профессор. В среду эту я на заседании членов Рел<игиозно->Фил<ософского> о<бщест>ва⁵ и прошу Вас ко мне пожаловать вечером в пятницу.

Ваш В. Розанов.

¹ *Конверт*: Здесь. Загородный проспект. Дом 24. Его Превосходительству Эрнесту Львовичу Радлову. *Штемпели*: С.-Петербург. 27.10.1908 – С.-Петербург. 28.10.08. Это и следующее письма легли в основу статей: *Розанов В. В.* Сборник писем Влад. Соловьева // НВ. 1908. 28 окт. С. 4; *Варварин В.* [Розанов В. В.] 1) Автопортрет Влад. С. Соловьева // Русское слово. 1908. 28 окт. С. 2; 2) Автопортрет Влад. С. Соловьева. Церковные занятия его и его личность // Русское слово. 1908. № 253. 31 окт. С. 1–2.

² Имеется в виду первое, восьмитомное Собр. соч. В. С. Соловьева, сделанное М. С. Соловьевым, вышедшее в 1901–1903 гг. В 1907 г. вышел 9-й, дополнительный

том. Розанов цитирует: *Радлов Э. Л.* Вл. С. Соловьев. Биографический очерк // *Соловьев В. С.* Собр. соч. СПб., 1907. Т. 9. С. XVI. См.: *Радлов Э. Л.* [Рец:] Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. Т. I–VIII. СПб.: Общественная польза, 1901–1904 // ЖМНП. 1905. Июнь. С. 454–456 (1-я паг.).

³ *Величко Василий Львович* (1860–1903) – поэт и публицист, друг Соловьева. Имеется в виду: *Величко В. Л.* Владимир Соловьев. Жизнь и творения. 1-е изд. СПб., 1902; 2-е изд. – СПб., 1904.

⁴ Письмо написано в духе идей Н. Ф. Федорова о всеобщем спасении. См.: Из письма Владимира Сергеевича Соловьева к графу Льву Николаевичу Толстому // ВФип. М., 1905. Кн. IV (79). С. 241–246.

⁵ Речь идет о заседании 29 окт. 1908 г.

23

<23 окт. 1908 г. Петербург> ¹

Многоуважаемый Эрнест Львович!

За книжку я конечно благодарю (прочел в 1 день):² но куда же девались письма Соловьева? Ведь он, напр., Страхову писал в 1893 г.? – помните чай сами?³ А где письма (я думаю до 100) к кн. С. Н. Трубецкому? Е. Н. Трубецкому?⁴ К В. Л. Величко было гораздо больше?⁵ Да и вообще тут, сравнительно с тем сколько и особенно скольким он писал – просто ничего нет!

Письма (буквально) многозначительны в ничтожестве своем. Со-держания почти нет: но до чего ярок его habitus!! Манера жить. Это – изумительная «живая фотография».

Ответьте мне на это письмо: в особенности я желаю знать, имее-те ли Вы письма к кн. С. Н. Тр<убецко>му? А письма к брату Мише?⁶ Их должно быть много.

Но С<оловьев> б<ыл> недобрый человек: «Зуботычина Страхо-ву»⁷ – это ужасно. Я думаю, он б<ыл> глубоко несчастный человек. Как характерно стихотворение его в Вашем предисловии.⁸ Это полная внутренняя биография.

Не смею Вас позвать к себе: а как было бы приятно побеседовать. Как я Вас давно не видел, угрюмого отшельника Публичной библиотеки. Да Вы теперь чуть не министр⁹. Куда Вас звать.

Нужны ли Вам мои письма? Т. е. ко мне его?¹⁰

Добыли ли Вы их из «Вопросов Жизни»? Если нет, тогда я Вам оригиналы пришлю. У Соловьева должно быть много писем к бары-

ням. Где к Волконской?¹¹ Где к Хитрово?¹² Я просто не понимаю, почему так мало писем?

Ваш искренно В. Розанов.

Бол<ьшой> Казачий. Д. 4. Кв. 12

¹ *Конверт*: Его Превосходительству Эрнесту Львовичу Радлову. Здесь. Загородный, д. 24. *Штемпель*: Санкт-Петербург. 23.10.1908.

² Имеется в виду вышедший том: Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1908. Т. 1.

³ В первом томе писем Соловьева письма Страхову только за 1877–1881 гг.

⁴ Письма к Трубецким в печати так и не появились. Ср. то, что писал Радлову Л. М. Лопатин на просьбу прислать соловьевские письма, адресованные ему: «Я должен долго и настойчиво извиняться перед Вами, что так несообразно поздно отвечаю на Ваш запрос о письмах покойного Влад. С. Соловьева. Некоторым оправданием для моего молчания являются, во-первых, чрезвычайные сложности и трудности моих дел в текущем академическом семестре, во-вторых, крайне хаотическое состояние моих бумаг и моей библиотеки. У меня довольно много писем Владимира Сергеевича, но разыскать их и при том увериться, что я разыскал их все, была задача довольно тяжелая. А когда я их наконец пересмотрел, возникло новое затруднение: я не нашел ни одного письма, пригодного для печати: это или краткие записки, не имеющие общего интереса, или вещи непечатные, не только ввиду откровенных характеристик в них лиц еще живых или недавно умерших и упоминания о разных интимных событиях, но и ввиду некоторых капризных особенностей стиля, свойственных его письмам к друзьям. В подобном же положении оказалась княгиня П. В. Трубецкая, когда она рассмотрела переписку Соловьева с ее покойным мужем: к великому своему сожалению, она также не нашла писем, годных для печати в настоящее время, о чем и просила меня известить Вас. Вообще для меня подымается серьезный вопрос: возможно ли теперь полное издание писем Соловьева? Еще раз горячо прошу извинить меня за мое опоздание ответом и за мой невольный отказ» (Письмо Л. М. Лопатина Э. Л. Радлову. 22 марта 1908 г. // РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, ед. хр. 930, л. 2–2 об.). Показательно, что Розанов, не будучи другом Соловьева, письма не только сохранил, но и опубликовал.

⁵ В первый том вошло 34 письма к В. Л. Величко.

⁶ Письма к М. С. Соловьеву: *Соловьев Вл.* Письма / Под ред. Э. Л. Радлова. Пб.: Время, 1923. Т. 4. С. 84–136.

⁷ Имеются в виду слова: «Вот и моя зуботычина Страхову, многоуважаемый Михаил Матвеевич» (*Соловьев В. С.* Письмо М. М. Стасюлевичу. 1891 г. // Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1908. Т. 1. С. 105). Скорее всего, речь идет о статье «Запоздавшая вылазка», написанной в рамках полемики со Страховым по поводу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», которая проходила с 1888 по 1894 г. на страницах «Вестника Европы», «Русского вестника», «Русской мысли» и «Нового времени». Соловьев в статье «Россия и Европа» обозвал теорию Данилевского «ползучей», имея в виду, что она, по его словам, возводит на степень идеала коренные грехи данной действительности (*Соловьев В. С.* Россия и Европа // Полн. собр. соч. / Под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. СПб., 1911. Т. 5. С. 84). С его точки зрения, коренным грехом было уже само понятие культурного типа, в рамках которого религия могла быть лишь одной из форм культуры. Основное положение Данилевского состояло в том, что каждый тип сам для себя вырабатывает духовные

начала. Для опровержения этого в статье «Россия и Европа» содержится целый пассаж о христианстве и науке, где доказывается, что наука может быть только общечеловеческой и что границы христианства также не совпадают с границами культурных типов. Уже из этого следует, что и наука, и религия не могут не иметь онтологического основания, в противном случае их трансляция была бы невозможна. Для Данилевского религия, государство, быт, экономика, искусство – равнозначные части культуры. Но еще в «Философских началах цельного знания» (1877) Соловьев показал, что их источником может быть лишь само Абсолютное. Идея христианства предполагает, по Соловьеву, идею единого человечества. Если христианство – истинная религия, она может быть только вселенской – вот один из главных аргументов Соловьева (*Соловьев В. С. Мнимая борьба с Западом // Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 5. С. 295*). По Соловьеву же, «религия, наука, искусство <...> есть общее сокровище и общее дело всего человечества» (Там же. С. 297). Соловьев пришел проститься со смертельно больным Страховым, но тот его не простил (*Розанов В. В. Письмо С. А. Рачинскому. 13 янв. 1896 г. // ЛИ-2. С. 529*).

⁸ Имеются в виду заключительные слова Соловьева из посвящения к его комедии «Белая лилия»: «Ты, муза бедная! Над темною стезею / Явись хоть раз с улыбкой молодою / И злую жизнь насмешкою незлою / На миг обезоружь и укрои» (Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1908. Т. 1. С. IV).

⁹ Ср.: «“К политическому моменту”. Наиболее философским элементом (без шуток) я считаю у Э. Л. Радлова то, что он носит чин действительного статского советника, доблестно им заслуженный, с полным уважением к Отечеству, которое ему дало его, и к самому чину.

Это хорошо. Это красиво.

Мы шли по Литейному, кажется с панихиды по Соловьеву (Вл.), и я робко его спросил:

– Пожалуй, Эрнест Львович, Вы уже действительный статский советник?

Как бывший учитель гимназии и к тому же патриот, я всегда робко говорю с подобными чинами.

– Давно, – протянул он болезненно, кисло и иронически (чуть-чуть иронически и в сторону «чина», – как ученый и все-таки если не либерал, то «свободно мыслящий»)» (*Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год. Черный огонь. 1917 год. Апокалипсис нашего времени / Под ред. А. Н. Николюкина. М., 1994. С. 111*).

¹⁰ По словам Розанова, он опубликовал все соловьевские письма к нему. Он предлагает, если Радлов не нашел этих публикаций, прислать оригиналы.

¹¹ *Волконская Елизавета Григорьевна* (1838–1897) – богослов, историк церкви. Познакомилась с Соловьевым еще до своего перехода в католичество. Была сторонницей соединения католической и православной церкви. См. у С. М. Лукьянова: «Внучка министра императорского двора при Александре I и Николае I Петра Михайловича Волконского. Вышла замуж за сына декабриста – Михаила Сергеевича Волконского, товарища министра народного просвещения, сенатора и, кажется, члена Государственного совета. Мать Елизаветы Григорьевны – дочь графа Бенкендорфа, католика, – католичка. Елизавета Григорьевна была первоначально православной по отцу. Молодые годы провела она в Италии, где и воспитывалась под прямым влиянием матери в католической среде. Стала рано тяготеть к католицизму. Рукопись ее известного сочинения “О церкви” была направлена для печатания за границу через двоюродного брата Елизаветы Григорьевны генерал-адъютанта и обер-гофмаршала графа Бенкендорфа <...> Елизавета Григорьевна была женщина очень обширных знаний, интересо-

валась и естествознанием, и богословием, и философией, и литературой. Перешла в католичество в <18>90-х годах. Умерла в феврале 1897 г. Муж пережил ее на несколько лет; умер во время смуты, когда началась разруха» (*Лукьянов С. М.* Запись бесед с Э. Э. Ухтомским // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1992. С. 396–397*). См.: *Волконский С. М.* Мои воспоминания: В 2 т. М., 1992. Соч.: О Церкви. Исторический очерк. Берлин, 1888; Церковное предание и русская богословская литература: Критическое сопоставление. Фрейбург, 1898.

¹² *Хитрово Софья Петровна* (урожд. Бахметева; 1848–1910) – жена дипломата и поэта М. А. Хитрово, близкий друг Соловьева, адресат многих его стихотворений. Соловьев неоднократно делал ей предложение выйти за него замуж, но получал отказ, это повторилось и после смерти ее мужа. Письма к Софье Хитрово опубликованы: Письма Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1909. Т. 2. С. 193–198.

24

Петербург

5-ое Нояб. 1908¹

Многоуважаемый Василий Васильевич

Во-первых, возвращаю Вам с благодарностью Ваши письма и прошу мою расписку или возвратить, или (что проще) уничтожить.

Во-вторых, посылаю Вам две книжки Аристотеля на память.²

В-третьих, благодарю за отзыв в «Русском Слове», но не очень мне понравилась ссылка на меня, будто я говорил, что Страхов умнее Соловьева. Эта ссылка нуждалась бы в опровержении, ибо она доказывала бы лишь то, что я гораздо глупее их обоих (т. е. и Страхова, и Соловьева); до настоящего времени еще не изобретено весов для взвешивания ума, а посему суждение, приведенное Вами, – если бы оно было произнесено мною, – в чем не могу сомневаться ввиду Ваших слов, по меньшей мере неосновательно.³

Искренне преданный Вам

Э. Радлов

¹ Письмо на бланке редакции ЖМНП.

² Имеются в виду переводы Э. Л. Радлова: *Этика Аристотеля* (СПб., 1884) и *Об истолковании Аристотеля* (СПб., 1891).

³ См. примеч. 1 к письму 22. Слова Розанова о том, что Радлов умнее Соловьева приведены в статье: *Варварин В. [Розанов В. В.] Автопортрет Влад. С. Соловьева. Церковные занятия его и его личность // Русское слово. 1908. № 31 окт. С. 1–2.* Эти слова Розанов вновь приводил, уже без ссылки на автора в своих комментариях к письмам Страхова (ЛИ-1. С. 13).

25

<После 5 нояб. 1908 г. Петербург>¹

Тринадцать писем Владимира Соловьева от Василия Васильевича Розанова получил и обещаюсь возвратить за оным по минованию надобности.

31-е Окт. 1908 г. Э. Радлов.

Получил обратно.

В. Розанов.

4 ноября 1908 г.²

¹ Датировка по содержанию письма 24.

² Далее приписка В. В. Розанова:

За помещение Вашего слова о Стр<ахове> и Сол<овьеве>, – очень верного, – очень извиняюсь. Тогда меня так поразил этот неожиданный взгляд: ведь С<оловье>в начался – гений, а Стр<ахов> – так себе. Вы почти и сказали это самое: надо бы только точнее выразиться: Стр<ахов> – рассудительность, точность и наукообразие; но Вы сказали «умнее». Умнее мало.

Супругу Вашу очень благодарю за присылку словаря.

26

Петербург

2-ое Окт. 1910¹

Многоуважаемый Василий Васильевич

Посылаю Вам набор Ваших писем и прошу поставить даты, а также снабдить их, если признаете это необходимым, примечаниями. Гранки прошу вернуть в возможно непродолжительном времени.

Искренне Ваш Э. Радлов.

¹ Письмо на бланке редакции ЖМНП.

<До 11 авг. 1912 г. Петербург> ¹

Глубокоуважаемый
Эрнест Львович!

Вчера, в понедельник, я был у Ал<ексея> С<ергеевича> Суворина,² который мне сообщил, что 1, фельетон, с упоминанием о Вас, был принят к напечатанию и помещен в газете Вик<тором> П<етровичем> Бурениным,³ который самостоятельно заведует беллетристической и критической частью в газете; 2, что – поэтому – мое письмо было направлено Сувориним к Буренину и тот в свою очередь сообщил его автору фельетона; 3, что сей «неблагоразумный юноша» был очень огорчен, что задел своего учителя, чего не хочет и не думал, и хочет извиниться перед Вами (чуть ли не приехать к Вам). Таким образом, я думаю, Вы бы получили или скоро получите извинение, и вообще ничего против Вас писавший не имеет, и не имеет никакого упорства или желания оправдать свою бесспорную вину.⁴

Преданный Вам В. Розанов.

¹ Датировка по содержанию письма.

² *Суворин Алексей Сергеевич* (1834–1912) – журналист, драматург, издатель «Нового времени» (с 1876), эволюционировавший от левых взглядов к правым (Розанов это отрицал). Литературный покровитель Розанова, имел на него большое идейное влияние. Письма Розанова Суворину были изданы: *Розанов В. В. Признаки времени*. СПб., 1913. Полностью переписка издана: *Розанов В. В. Признаки времени / Под общ. ред. А. Н. Николюкина*. М., 2006. В предисловии к переписке Розанов писал: «У Суворина была огромная, любящая душа; нет, великие деятельности – а он, конечно, был великим деятелем – не создаются из душ “так себе”. Эта огромная душа не была рассмотрена за пылью, которая кругом его кружилась (существо газеты). Но она была, эта большая душа, в нем; и она была вся чистая, “сама в себе”, одна и никогда никуда не подевалась» (*Розанов В. В. Признаки времени*. С. 269). «...вот 35 лет уже, как “Новое Время” сделало своими читателями все *видное в России, в каком бы отношении оно ни было* “видно; все в ней *сильное*, все в ней *влиятельное*, все в ней *образованное* и *реально идущее вперед*, все в ней что-нибудь *задумывающее, предпринимающее и решающее*» (Там же. С. 279). См.: *Розанов В. В. Памяти А.С. Суворина* // НВ. 1912. 14 авг.; XL «Новое Время» (1876–1916 гг.) // НВ. 1916. 29 февр. (обе републ.: ЛИ-2); *Ломоносов А. В. Суворин Алексей Сергеевич* // РЭ. Ст. 965–972.

³ *Буренин Виктор Петрович* (1841–1926) – один из самых популярных критиков своего времени, сотрудник НВ с 1876 г., известный своими отрицательными оценками, с 90-х гг. ярко выраженным антисемитизмом. Буренин ругал и высмеивал М. Горь-

кого, В. Г. Короленко, Л. Н. Андреева, В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта. Написал рец. на «О понимании» (*Буренин В. П.* Критические очерки // НВ. 1888. 20 мая. С. 2), автор ряда критических статей о Розанове, в которых по большей части едко критиковал его. Критикуя «Новый путь», обозвал Розанова «Мистицизм Мистицизмович Миква». Тем не менее в 1911 г. Розанов написал статью о Буренине по случаю 50-летия его журналистской деятельности (*Розанов В.* Пятьдесят лет служения русской литературе // НВ. 1911. 24 нояб. Републ.: *Розанов В. В.* Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. // Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николокина. М., 2011). См.: *Ленехин М. П., Рейтблат А. И.* Буренин Виктор Петрович / Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 365–367.

⁴ Автора фельетона установить не удалось.

28

Петербург

29 Сент. 1915 г.¹

Многоуважаемый Василий Васильевич

Звонил Вам по телефону вчера и сегодня, но тщетно, между тем мне необходимо было переговорить с Вами по следующему делу:

Мраморный дворец издал биографию юноши-героя князя Олега Константиновича² (роскошное издание, цена 6 р.). Было бы весьма желательно, чтобы об этом издании появилась заметка в «Новом времени». Если бы Вы были столь любезны и обещали бы написать упомянутую заметку, то экземпляр издания к Вашим услугам. Очень прошу Вас известить меня о Вашем решении в возможно скором времени.³

Искренне Вам преданный

Э. Радлов.

¹ Письмо на бланке редактора ЖМНП.

² *Олег Константинович*, князь императорской крови (1892–1914) – сын вел. кн. Константина Константиновича (поэта К. Р.) (1858–1915) и внук вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892). Мать – великая княгиня Елизавета Маврикиевна. Был самым талантливым сыном в семье, обладал поэтическим даром. В 1913 г. окончил Александровский лицей с серебряной медалью, за выпускное сочинение «Феофан Прокопович как юрист» получил Пушкинскую медаль. Отправился на фронт в чине корнета лейб-гвардии Гусарского полка. При наступлении на Владиславов повел свой взвод на немецкую заставу, был ранен и умер 29 сент. 1914 г. См.: Князь Олег. Пг., 1915. Кн. Олег, собирая материалы о своем деде, вел. кн. Константине Николаевиче, переписывался с Радловым. См.: *Журавская А. Н.* Князь Олег Константинович Рома-

нов. Несбывшиеся надежды (По материалам Рукописного фонда Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)) // Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы. СПб., 2013.

³ *Розанов В.* Как был ранен и умирал князь Олег Константинович // Московские ведомости. 1915. 13 окт. Подп.: Петроградский старожил (републ.: ЛИ-2). См.: Книга памяти князя Олега // НВ. 1915. 8 окт. С. 2. (републ.: *Розанов В. В.* На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913–1915 гг. / Под общ. ред. А. Н. Николокина. М.; СПб., 2007. С. 531–539).

29

Петербург

11 Янв. 1916 г.

Многоуважаемый Василий Васильевич

Посылаю Вам Фихте «Факты сознания»¹ и разную дрянь для домашнего употребления. Словарь² пришлю на дом, но Вы его не судите строго, ибо он мною не прокорректирован и назначается не для Вас, а для начинающих.

Надеюсь получить от Вас Темный лик с подписью.²

Искренне Ваш
Э. Радлов.

¹ Имеется в виду: *Фихте И. Г.* Факты сознания / Пер. О. Давыдовой под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1914.

² Первое издание было сделано Брокгаузом и Ефроном: *Радлов Э. Л.* Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии. 1-е изд.: СПб., 1904, 2-е изд.: СПб., 1911. В письме речь идет о переиздании Г. А. Леманом: *Радлов Э. Л.* Философский словарь: Логика, психология, этика, эстетика и история философии. М., 1913. См.: *Розанов В. В.* [Рец.] Э. Л. Радлов. Философский словарь // НВ. 1916. 24 апр.

² Имеется в виду: *Розанов В. В.* Темный лик. Метафизика христианства. СПб., 1911.

30

<Январь 1916 г. Петербург>¹

Как мне больно, что Вы назвали в письме ко мне «дряню» статьи, мне присланные. Правда, это «кое-что» – и в особенности «кое-

что» в отношении того, что в 1-м году Вы могли бы мне прислать: но не притворяясь скажу – как было хорошо копаться во всем при- сланном. Качества Ваши: 1) Вы нигде не имеете и не будете иметь причин отказаться от сказанного: т. е. слово имеет устойчивость в себе самом, вот тут сейчас, как читаем его. У Вас совсем нет ветра, ветреного: а ведь оно присуще «величайшим» (Ваш любимец, коего я не называю, чтобы Вас не огорчать). 2) pietas. Статьи об Олеге и К. К.² – удивительны по тону. И – о Каринском.³ «Что ему Гекуба»: не «нам», не университетам: но Вы, очевидно, немало потрудились и так раздельно изложили Каринского, с столь очевидною любовью к нему. С восхищением вчитался в «Об истолковании»: ⁴ прямо «Органон»⁵ просился Вам в руки. Ведь для перевода нужно иметь огромную подготовку, и она у Вас была «дело готовое» (имеющееся в руках).

Итак, Вы сделали, правда, малое: но на всем лежит дух изысканности; не в смысле «щеголеватого», а: знаю, люблю, ценю. И вот через это «изысканное» будуара историка проникает и в Вашу душу, всегда чистую, всегда сердечную.

Мешает: «Эрнест» (немец?): но будем помнить вечного Даля. Да, это грусть и ужас, что в русских лежит так много нигилизма, все «с плеча», о всем – «с ветерка». А (увы) «Эрнесты» умеют и любить и чтить. Вот корень (м<ожет> б<ыть>) и совершившегося «немецкого засилья»: они нас победили (иногда с печалью думаю) не силою, а любовью, они не «нахрапом» захватили все, а обняли и получили. Но об этом думать так печально и странно, что стараюсь не думать.

А жизнь уходит. И уже почти ушла. И «напоследок» жизни так много печали. И все как-то смутно впереди. Плохие мы люди, русские. И с этим как жить?

Но Вы, кажется, светло кончаете жизнь. «Я немного сделал, но хорошо сделал». И я подскажу: Вы вообще ничего худого не сделали, а одно хорошее. В Вашей свече нет нагара.

«Горела – сгорела». Но не накопила, не начадила. Никому не испортила воздуха.

Жму руку. Ваш В. Розанов.

¹ Датировка по содержанию письма 29.

² Возможно, имеется в виду *Кавелин Константин Дмитриевич* (1818–1885) – публицист, правовед, философ. В молодости испытал влияние славянофилов, был знаком с П. В. и И. В. Киреевскими, А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариним, впоследст-

вии стал западником. Профессор Петербургского университета (1857–1861) по кафедрам гражданского права, а затем философии права. Один из основателей государственной школы (*Кошелев В. А.* Кавелин Константин Дмитриевич. Русские писатели. 1800–1917: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2). См.: *Радлов Э. Л.* Разбор книги К. Д. Кавелина «Задачи этики» // ЖМНП. 1886. Апрель. С. 34–52.

³ Имеется в виду: *Радлов Э. Л.* Ученая деятельность проф. М. И. Каринского. СПб., 1895. Вып. 1–2.

⁴ Имеется в виду перевод Радлова: «Об истолковании» Аристотеля. СПб., 1891.

⁵ «Об истолковании» – часть корпуса логических сочинений Аристотеля, получившего название «Органон».

Петербург

14-ое Янв. 1916 г.

Дорогой Василий Васильевич

Благодарю Вас за Ваше милое письмо. Ко мне Вы относитесь слишком снисходительно, а к себе слишком строго. Вы, конечно, настоящий и большой писатель; во мне же самое лучшее то, что я мало сделал. Конечно, я мог бы написать толстые книги, но к чему это? Разве я в них мог бы сказать что-либо, что сдвинуло бы людей с мертвой точки. То, что я узнал, я узнал слишком поздно. Поэтому-то и хорошо, что я писал мало.

Когда я переезжал с Загородного на Вас<ильевский> Остр<ров>, я выбросил почти все оттиски своих статей, поэтому и мог прислать Вам только приблизительно одну 1/4 или 1/5 мною написанного.

В себе я могу признать одно достоинство: я никогда ничего не писал, чего бы не понимал или не думал, что понимаю.

Самое лучшее из всего мною написанного – это статья о стыде в словаре Эфрона, занимающая один столбец.

Потому хорош некролог Олега, не дурен (но хуже предшествующего) некролога Вел. князя.

Довольно о себе. Свеча действительно догорела, но нужно ли об этом сожалеть. Жизнь моя была исключительно счастливая, дети мои меня радуют и будут хорошими слугами России.

А я? Вы коснулись в письме самого больного места. Я всегда любил Россию и считал себя русским, и сколько горя и унижения должен был я пережить за то, что не все меня считали русским. Особенно

последние два года принесли мне много огорчений и страданий, и я не буду сожалеть, когда моя свеча погаснет

Искренне Ваш
Э. Радлов.

Р. С. Желаю Вам от души здоровья и надеюсь, что Вы сами привезете мне «Темный лик», предупредивши по телефону о дне и часе.

Э. Р.

32

<Начало 1916. Петербург> ¹

Дор<огой> Э<рнест> Л<ьвович>, – массу прочитываю в В<ашем> «Сл<оваре>». Все статьи о понятиях (термины и пр., ф<илософские> течения) очень интересны, вполне прекрасны и изложены прекрасным языком. И – о лицах à la Аристотель, Гегель etc. Следовало бы только выкинуть всех этих мерзавцев-медиков (Бюхнер),² которым надо ставить клистиры, а не попадать «к Радлову». Вообще лично словарь краток до слабости. Но в конце концов и это – «ничего». Сила слов – в понятиях, в статьях о понятиях. Я местами читаю с наслаждением. Масса пользы. В. Розанов.

Я стал читать для счета русск<их> фил<осо>фов и увлекся. Дошел до «Гермеса». Сейчас – дальше дочитал.

По моему мнению: ГРУБЫЙ промах не отметить Никиты П<етровича> Гилярова-Платонова, у которого есть превосходные статьи о философии и этике языка, о Гегеле, о полит<ической> экономике.³ Масса упоминаемого Вами – дети или мальчишки перед ним. По мне это даже ГРУБО. Это, друг мой, сознайте прямо: «забыл».⁴

До «Инстанция» нашел 35 русск<их> фил<ософов>.

А не чувствуете ли Вы, что «русская фамилия» и «философское положение» (situation) как-то странно несовместимы: «философ Козлов»,⁵ «философ Иванов» – это смешно. Еще разве-разве можно сказать: «фил<ософ> Бердяев», но – потому, что «Бердяев» неизвестно что значит («берд...»?!). Дело в том, что философия нечто отвлеченное, схематическое, возвышенное, небесное. Как это связать с «Козловым». Позор. Невозможно. И я думаю, у русских будут чудачки, а систематиков философской мысли – никогда не будет. «Не всякому рылу в калачный ряд».

Это ужасно грустно. П<отому> ч<то> философия в самом деле возвышеннее, идеалистичнее всех конкретных наук. Философия – в хламиде, а все прочее – в пиджаке.

Итак, кажется, возвышеннее философии ничего нет. Тут какие-то «перебегания света», и чудится иногда, что философия почти то же, что религия.

«За философию можно отдать Пушкина».

И – не будет. Какое горе. Как изжить, излюбить это горе. Собственно без философии – народ нецивилизованный. Это или первобытная масса, или торгаши. Не знаю, что хуже. У нас собственно есть великолепная литература, разве-разве уступающая английской и греческой, но решительно не уступающая даже немецкой. «Мертв<ые> души» и «Весь Лермонтов» что-то неповторимое, дьявольское по красоте, по силе, по «секрету» в них. Эти 2 не уступают даже Греции и Англии.

Ну – и довольно. Прочее «изрядно» – но не более (искусство, государство, даже столь мною теперь любимая Церковь).

Я думаю – Вы преувеличиваете Кудрявцева,⁶ Каринского,⁷ Вл. Соловьева.⁸ Только-только «изрядно».

Главная суть: что нет оригинальной и всему человечеству мысли. Никакой. Ни одной. Это поразительно: возьмите даже наших святых: 1) молчаливники 2) юридивые 3) странные люди. Ни один русский святой не оставил ни единого сочинения.⁹ Поразительно ли это <?> И – предвещательно: «Не надо слова». «Не хочу». Прямо сотрясаешься от страха. Чтó за упорство?

Мы просто компиляторы в области систематической мысли. Компиляторы, переводчики и «увлекающиеся люди». В нашем шопенгауэрстве и нищезанстве бывает много Добчинского, отчасти – Ноздрева. «Позитивисты» все состоят из ноздревых. С позволения сказать – «с такой сволочью разве сделаешь философию».

Русская философия вылилась в стихотворениях. А, это – дело. Это – велико, прекрасно. «Вот где мысли русские» – в молитве, песне и стихе. Как только мы «систематизируем» – так у нас «частушка». Это с позволения сказать не философия, а похабство.

Я прямо чувствую отвращение, когда читаю о «философии Владислава». ¹⁰ Вы верно ограничиваете: «Значительна историческая часть» («Логика»). И везде у нас – «историческая часть». Своего – ничего. Кроме Ноздрева (пафос увлечений!).¹¹

Убийственно. Мне было ужасно грустно читать «русский отдел» в В<ашем> «Словаре». Что за имена, что за труды. «Нечего назвать».

Еще Трубецкие – туда, сюда. Но около Германии, Декарта – какая это мелочь.

В сущности НЕТ НИЧЕГО.

Линицкий¹² – 50-е имя.

В. Р.

¹ Датировка по содержанию писем 29, 31, 33.

² *Бюхнер Людвиг* (1824–1899) – немецкий философ и естествоиспытатель, утверждавший, что мысль является продуктом мозга. Для Розанова Бюхнер, наряду с К. Фохтом и Я. Мошешоттом – один из образцов натуралистического, антихристианского мировоззрения 1860-х гг., постоянно упоминаемый в негативном ключе.

³ *Гиляров-Платонов Никита Петрович* (1824–1887) – философ, обществ. деятель, критик, преподаватель Московской духовной академии (1848–1855). За чтение либеральных лекций по расколу уволен из Академии под давлением Московского митр. Филарета (Дроздова). Был близок кругу старших славянофилов, особенно Аксаковых. Сотрудник славянофильских газет и журналов «Русская Беседа», «Москва», «День», «Русь», «Русский вестник». Московский цензор (1856–1863), издатель газ. «Современные известия» (1967–1887). За время существования газета пережила 7 цензурных предостережений и 13 запрещений розничной продажи, в результате Гиляров-Платонов был разорен. *Гиляров-Платонов Н. П.* 1) Сборник сочинений: В 2 т. М., 1900; 2) Вопросы веры и церкви: В 2 т. М., 1906. Розанов имеет в виду статьи и книги Гилярова-Платонова: «Рационалистическое движение философии новых времен» (Русская беседа. 1859. Кн. 3. Отд. 2. Науки. С. 1–64; републ.: Фридрих Шеллинг: pro et contra. СПб., 2001. С. 189–214); «Онтология Гегеля» (ВФилП. 1891. Кн. 8. С. 173–199; Кн. 10. С. 199–220) «Основные начала экономии» (М., 1889); «Экскурсия в русскую грамматику» (М., 1904). ««Удивительно милый Радлов – человек; но его философский словарь – смешон. Пропустить Гилярова-Платонова отца и поместить только сына, приват-доцента, написавшего: “Платонизм в любви”, обратить “Словарь” только в перечень имен одних у русских и дать недурные при этом объяснения философских понятий – значит раздражить и не удовлетворить, заставить купить книгу и затем бросить ее в корзину» (*Розанов В. В.* Письмо Э. Ф. Голлербаху. 8 окт. 1918 // *Розанов В. В.* В нашей смуте. М., 2004. С. 376). *Розанов В.* [Рец.] Н. П. Гиляров-Платонов. Сборник сочинений. Том 1. Издание К. П. Победоносцева. М., 1899. LX+478. См.: Русский биографический словарь / Под ред. Н. М. Чулкова. М., 1916. Т. 5: Герберский – Гогенлоэ. С. 208–216.

⁴ В словаре была статья о *Гилярове Алексее Никитиче* (1856–1838), сыне Н. П. Гилярова-Платонова, профессоре философии в Киевском университете, авторе историко-философских работ: «Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции» (М., 1888); «Источники о софистах. Платон как исторический свидетель» (Киев, 1891). Создал школу философов и психологов, его ученики: прот. В. В. Зеньковский, П. П. Блонский, В. Ф. Асмус.

⁵ *Козлов Алексей Александрович* (1831–1901) – русский философ-идеалист, профессор философии в Киевском университете. Издавал в Киеве философские журналы «Философский трехмесячник» (1885–1886) (первый философский журнал в России,

наполнявшийся им в одиночку), «Свое слово» (1888–1898). См.: *Розанов В.* [Рец.] Свое слово. Философско-литературный сборник, издаваемый проф. А. А. Козловым. № 5. СПб., 1898 // Юдаизм. С. 120; *Бобров Е. А.* Труды и жизнь А. А. Козлова // Философия в России: Материалы, исследования, заметки. Казань, 1899. Вып. I. С. 1–24.

⁶ *Кудрявцев-Платонов Виктор Дмитриевич* (1828–1891) – философ и богослов, ученик Ф. А. Голубинского, профессор, а затем декан богословского факультета МДА.

⁷ *Каринский Михаил Иванович* (1840–1917) – русский философ-материалист, преподавал философию в СПбДА.

⁸ Радлов был автором ряда статей и книг о Соловьеве: *Радлов Э. Л.* 1) Владимир Соловьев. Оправдание добра. Нравственная философия. СПб., 1897 [Рец.] // ЖМНП. 1897. Ноябрь. С. 233–243; 2) Владимир Сергеевич Соловьев (Некролог) // ЖМНП. 1900. Сентябрь. С. 33–44; 3) Соловьев (Владимир Сергеевич) // Энциклопедический словарь [Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона]. СПб., 1900. Т. 60. С. 785–792; 4) Мистицизм Вл. С. Соловьева // ВЕ. 1905. Ноябрь. С. 281–294; 5) Эстетика Вл. С. Соловьева // ВЕ. 1907. Январь. С. 84–117; 6) Характер творчества Вл. Соловьева // ЖМНП. 1909. Октябрь. С. 183–198; 7) Учение Вл. Соловьева о свободе воли // ЖМНП. 1911. Февраль. С. 154–172; 8) Исторические и политические взгляды Вл. Соловьева // ЖМНП. 1912. Август. С. 196–218; 9) Гносеология В. Соловьева // Логос. 1912–1913. Кн. I и II; 10) Владимир Сергеевич Соловьев. Жизнь и учение. СПб., 1913; 11) Теория знания славянофилов // Журнал Министерства народного образования. 1916. Февраль. С. 153–165; 12) Очерк истории русской философии. Пб., 1920; 13) П. Лавров и В. Соловьев // Вперед!.. Пг.; М., 1920. С. 32–35; 14) Соловьев и Достоевский // Достоевской: Статьи и материалы. Сб. I. Пг., 1922. С. 165–172.

⁹ Ср. о русских святых: «Томов они не оставили: хотя в трепетной памяти потомства и запомнились 2–3, 5–6 афоризмов, “изречений” их. Где же тайная их сила? Неуловимо» (*Розанов В. В.* По тихим обителям // *Розанов В. В.* В темных религиозных лучах / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1994. С. 119).

¹⁰ *Владиславлев Михаил Иванович* (1840–1890) – философ, ректор Санкт-Петербургского университета.

¹¹ В письме к Голлербаху Розанов совершенно иначе оценивает словарь: «“Русские уже не так мало сделали в философии” (я думал «еле-еле»), Влад. Соловьев думал, изрек и напечатал в «Вестн. Евр<опы>», что русская философия «меньше чем небытие, ибо о небытии можно еще размышлять, а о русской философии нельзя размышлять», а Радлов (в «Словаре») в сущности зачеркивает всю русскую философию» (*Розанов В. В.* Письмо Э. Ф. Голлербаху. 8 октября 1918 // *Розанов В. В.* В нашей смуте. М., 2004. С. 377). И затем прибавляет, повторяя свою заветную мысль, что Ф. Шперка нужно ставить выше Соловьева.

¹² *Линицкий Петр Иванович* (1839–1906) – профессор философии в Киевской духовной академии, философ-рационалист.

<Январь 1916. Петербург>¹

Дорогой Эрнест Львович: не думайте, что я забыл обещание насчет Словаря и что я неаккуратен: но я уже совсем собрался к Вам в пятницу провести вечерок, и даже выпил дома только 1 стакан чая, чтобы допить у Вас: но к 10 часам у меня началась обычное (но не всегдашнее) давление в груди, как и холод рук и ног, и я остался дома. Затем и вчера – но чуть-чуть, я раздумывал о том же: пришли страшно редкие гости (2 раза в год) – и было неловко уйти из дому. Так я и «мямлил» со Словарем, не желая соединить «возвращение» и «посещение». Что Вы ко мне придете в воскресенье, сегодня вечер<ом>, ведь на это нельзя рассчитывать?! А я к Вам все же приду в среду или пятницу.

Жму руку и морскому богу за Словарь.

подражание С<оловье>ву²

В. Розанов³

¹ Датировка по содержанию писем 29, 30, 31, 32.

² Имеется в виду стихотворение Соловьева «Das ewig-weibliche. Слово увещательное к морским чертям» (1898).

³ На обороте: Его Превосходительству Эрнесту Львовичу Радлову. В. Розанов.

<Не раньше февраля 1916. Петербург>¹

Я уже запечатал то письмо к Вам, когда погрузился в библиографию:² и опять пережил эти два впечатления: умственное удовлетворение от отчетливости и мотивированности, и особенно нравственное: Вы везде тепло говорите и о лице, и о книге; явно Вам противна всякая занозистость, бранчивость, полемика; Вы везде – деликатны.

«Катастрофичность» у кн. Е. Труб<ецкого>: я не знал, что это он писал к Московскому «восстанию».³ Это доносился до меня гул разговоров post factum, Петр Н<иколаевич> Дурново⁴ устроил через евреев-провокаторов, чтобы «выяснить» об личном составе революции, в целях «секим башка».

И это философ ставит «катастрофою». Одно из «русских происшествий».

Русским я В<ас> всегда считал, с «отметиной»: русский – без лукавства, прямо, стойко.

Хорошо у В<ас> о Хомяк<ове>,⁵ хорошо очень, что философу время говорить о нем. Вы там разумеете в конце конечно Тютчева?

Вот бы и о нем Вам. А знаете ли Вы, что есть чудная о нем книжка Дарского.⁶ Это учитель, в Туле или Калуге (я списался), молодой. Я думаю – он обещающий. В молодых теперь есть много «подающих надежды. Которые отбились от общего стада.

Если бы Вы к моему приходу к Вам отобрали комплект «всего» у себя, я нашел бы лицо, которое очень порадуется подарку.

Жму руку В. Розанов.

¹ Датировка по содержанию письма 33 и настоящего письма.

² Радлов Э. Л. 1) Русские работы по истории греческой философии. Князь С. Трубецкой. Метафизика в древней Греции. М., 1890; 2) А. Н. Гиляров. Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общео политическою и культурною историей Греции. М., 1888 // ЖМНП. 1890. Март. С. 384–409.

³ Речь идет о Московском восстании 7–18 дек. 1905 г. Имеется в виду рецензия Радлова на книгу Е. Н. Трубецкого. «Мирозерцание Вл. Соловьева» (В 2 т. М., Путь, 1913) и последовавшую за ней полемику (Радлов Э. Л. Кн. Евгений Трубецкой. Мирозерцание Вл. С. Соловьева. М., 1912–1913 // ЖМНП. Сентябрь. 1913. С. 177–186; Трубецкой Е. Э. Л. Радлов о В. С. Соловьеве // Русская мысль. 1913. Ноябрь. С. 43–52; Радлов Э. Л. Письмо в редакцию [По поводу статьи кн. Е. Трубецкого в ноябрьской книжке «Русской мысли» «Э. Л. Радлов о В. С. Соловьеве»] // Русская мысль. 1913. Декабрь). Poleмика является образцом того, как друзья и последователя Соловьева не поняли и не хотели понимать друг друга, а также примером того, насколько различным было восприятие Соловьева. Позиция Трубецкого состояла в критике соловьевского пантеизма и стремлении увидеть в поздних трудах Соловьева крушение теократических идей. Так, с точки зрения Трубецкого, Соловьев стал сомневаться в теократической миссии России уже в 1896 г. (статья «Византизм и Россия»), в 1897 г. поставил под вопрос духовную сущность России, а в «Трех разговорах» теократия перед приходом Антихриста уже совершенно отсутствует, более того, царство Антихриста представляет собой пародию на теократию. По Трубецкому, поздний Соловьев, отказавшись от планов построения христианского государства, от планов христианской политики, от славянофильской мысли о народе-богоносце, от монархизма, в итоге предсказал крушение монархии, т. е. предчувствовал революционную катастрофу 1905 г. Эта оценка связана с антиславянофильской и либеральной позицией Трубецкого, со стремлением представить позднего Соловьева как единомышленника. По Радлову же, позиция Трубецкого обусловлена его отходом от соловьевских идей и вызванным этим отходом чрезмерным критицизмом, Трубецкой в оценке Соловьева исходит из произвольной точки зрения, которую он называет «катастрофическим мироощущением». Но, поскольку в ближайшем прошлом никаких катастроф, кроме Первой русской революции, не было, речь идет именно о ней. Т. е. это мировоззрение Трубецкого, а не

Соловьева «катастрофично». Мировоззрение же Соловьева, по мнению Радлова, ни в коей мере не определялось политикой, следовательно, оценка Е. Н. Трубецкого в корне неверна: Соловьев никогда не проповедовал Царства Божия на земле и не был пантеистом. Поэтому Соловьев никогда не отступал от своих взглядов, и, следовательно, и «катастрофизма» в его мировоззрении нет. Радлов, склонный к теоретической философии, стремился не замечать эсхатологического пафоса Соловьева. В реакции Радлова на ответ Трубецкого уже звучит просто обида: «Смысл статьи кн. Ев. Трубецкого, помещенной в ноябрьской книжке Русской мысли за текущий год и содержащей разбор моих замечаний на его книгу о Вл. Соловьеве, сводится к тому, что я черносотенный чиновник, тогда как его книга имеет в виду просвещенных и ученых читателей. Люди первого сорта, конечно, не в состоянии понять людей второго сорта» (*Радлов Э. Л. Письмо в редакцию [По поводу статьи кн. Е. Трубецкого в ноябрьской книжке «Русской мысли» «Э. Л. Радлов о В. С. Соловьеве»] // Русская мысль. 1913. Декабрь. С. 111. Впрочем, через год Трубецкой и Радлов помирились (ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, ед. хр. 1596, л. 1–2).*

⁴ *Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – в кабинете С. Ю. Витте (после отставки А. Г. Булыгина) министр внутренних дел (1905–1906). Затем – лидер правых в Государственном совете, протестовал против столыпинского проекта создания земств в западных губерниях. См.: Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001.*

⁵ Имеется в виду: *Радлов Э. Л. Теория знания славянофилов // Журнал Министерства народного образования. 1916. Февраль. С. 153–165.*

⁶ *Дарский Дмитрий Сергеевич (1883–1957) – литературный критик, родился в Туле. Закончил Петербургский университет, преподавал историю и литературу. Сотрудник ГАХН, затем заведующий библиотекой Государственного литературного музея. Розанов неоднократно отзывался на работы Дарского, между ними завязалась переписка. В итоге Дарский выполнил желание Розанова написать о нем книгу, из которой были напечатаны отрывки (*Дарский Д. С. 1) К 50-летию со дня смерти В. В. Розанова // Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 131–153; 2) Розанов человек // 1977. № 122. С. 139–158.* Соч.: Чудесные вымыслы. О космическом сознании в лирике Тютчева. М., 1913; Маленькие трагедии Пушкина. М., 1915; Радость земли. Исследование лирики Фета. М., 1916; Достоевский-мыслитель // Творческий путь Достоевского: Сб. Л., 1924. См.: *Викторович В. А. Дарский Дмитрий Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 87–89; Джимбинов С. Б. Дарский Дмитрий Сергеевич // РЭ. Ст. 326–327.**

<Август 1917. Новгородская губ.> ¹

Дорогой и милый
Эрнест Львович!

Сейчас я живу в Шуде, Новгородской губернии, один. Уехал на 2 недели по предложению врача отдохнуть после больших подкож-

ных впрыскиваний iodopin'a (склероз мозга).² Подумайте, мой добрый и милый, о месте для Тани³ в Публичной Библиотеке, так бы меня успокоило, если бы она получила его. Ведь этим, увы, груститься <?> успокоения, все равно как «замужества»: наше время суровое и жесткое, и с душой человеку тем труднее найтись. Печально и страшно, что столько лет я работал, уже 20 лет, а в сущности с начала, как кончил Московск<ий> Университет, с милыми Буслаевым, Тихонравовым, Герье, Стороженко.⁴ Столько остроумия и милых студенческих шуточек, и пирожков на Моховой, куда мы бегали. Куда все девалось? Какое жестокое бесчеловечное время. Все солдаты, проездом, рубят лица царям. В Шуде крестьянин 60-ти лет сказал: «Из Царя, если бы по-настоящему поступать, надо бы по одной жиле все жилы вытянуть». Что он ему? За что? Чем обидел? Что за оподление? И вот я твержу: окаянный народ.

Зверь, самый плоский и тупой. «Пафос любви», «Эрос отечества». Мне кажется, славянофилы безумно ошиблись, принимая пасивные соглашения народа на ранние свои приглашения сказать слова о Царе-Батюшке и что-нибудь по части угодников. Верно «ученье свет», и все-таки только школа в товарищеских беседах что-нибудь выбивает, что-нибудь созидает.

Как темно все? Боже, до чего Русь рассыпалась. Она именно рассыпалась будто ничего не было. Будто «сняли эполет» и стал «человек голый». Вы посмотрите: 3 дня, и не стало – царства,⁵ церкви (батюшки и архиереи прямо переметнулись в социализм), но главное и ужасное – не стало вдруг рабочего класса и армии. Можно ли было до такой степени думать, чтобы «бусы до такой степени рассыпались с шеи». Именно: нить порвалась и бусы рассыпались. Можно ли было подумать, чтобы колоссальный рабочий народ в 2–3 месяца превратился в слюнявых лентяев. Вот Вам и социализм как трудовое начало. Здесь, в Шуде, был случай: надо было нагрузить баржу, лесом или чем. Мужики узнали, что назначена неустойка за срок. И вот они, узнав про это, отказались грузить всем скопом меньше, чем рублей по 25 поденно и лично. «Правда, хорошо работали», – сказал купец, но потерял ½ всего своего капитала на уплату за погрузку одной баржи.

И вот везде эта дикость и жестокость. Нужно иметь любовь к трудолюбию. Нужно, чтобы «если не работа» – то «тоска». Нужно, чтобы «пальцы сами брали». И такие – есть, но их 1/1000. Русь есть собственно великая страна дармоедства и прогуляшничества.

Я думаю, что это все-таки «конец Руси». 1000 лет – достаточно для народа. «Кто 1000 лет не имеет ума», тому Бог не дает еще срока. И как все внезапно и сразу случилось. «Россия – страна болтунов»: «дала отличную литературу – но больше еще ничего не дала». ⁶ Главное – Церковь? «Ничего не намолмили». Один был великолепный обряд.

И ведь слова в Церкви – такие чудные, «за сердце берушие». Отчего же, отчего мы никакой работы не приложили к Церкви. В «Записке об истории ученого монашества» Никанор Одесский выразился: «Только и работают в Синоде одни чиновники: духовенство – ничего». ⁷

Вот учительница сельская за стиркой напевает: «Allons de la patrie». ⁸ Слов не знает, а только звуки. «Хоть пользу свободную от Франции». Когда ехал а вагоне, то утром пятилетки напевали: «Вставай, подымайся лябочий народ». Теперь с молоком матери пьют эту ленинскую водку. Ну, и пусть. Русь и славянофильство?

Я бы не «сваливался с ног» от недоумения, что делать, и от тоски, если бы по какому-то очевидно «мановению» меня, попечатав несколько под псевдонимом «Обывателя», совсем не перестали печатать. Что ни даю – не появляется. ⁹ Дал некролог о Вл. А. Кожевникове (чудный мыслитель, – книга о Буддизме, † раком желудка, 65 лет) ¹⁰ – и мою не поместили, хотя некрологи уже как-то неприлично не помещать.

Вообще трусость и расшаркивание перед революцией – ужас. Меня же в частности очевидно преследует «дело Бейлиса». ¹¹ Мне и говорили евреи, друзья: «Вам еще простят выступления против революции, но выступления против еврейства – никогда не простят». Да. Но ничего бы: а вот где же русские?

И все я спрашиваю: да где же русские. Всю жизнь спрашиваю. Одни был деятельный и неутомимый человек, старик – Суворин. И вот – умер. Нет 8 лет, а все дело разрушилось: газета – не его, дом и кабинет его – не его, типография – не его. Одна пустота. Деточкам было мало 5 000 000 состояния. «Потребовались долги». Ну а где русский человек «в долг» входит – то уже это начало сумы.

И нет ничего. Пустое место. Дорогой мой Эрн<ест> Львович: подумайте же очень о Тане. Главное – ей, но – и успокоите мою старость. Так – зябко жить. Страшно. Главное я как-то туп и не понимаю, что же мне делать. Вот чем: и в старости нужна помощь и совет: Главное – я ничего не придумую.

В. Розанов.

¹ Датировка по содержанию письма.

² См.: «Я живу у чухонца. Так как у меня склероз мозга, то я поставил условием летнего отдыха “молчание”. И Непенин определил мне жить у чухонца, который русского языка не знает. Действительно, для склероза мозга нет более удобного сотоварища. Немного мычит и ничего не поймешь» (*Розанов В. В. Последние листья*. 12.VII. 1917 // *Розанов В. В. Последние листья* / Собр. соч. под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2000. С. 248).

³ Имеется в виду Розанова Татьяна Васильевна (1895–1975) – дочь В. В. Розанова.

⁴ *Буслаев Федор Иванович* (1818–1897) – языковед, фольклорист. Читал лекции по истории русской литературы в Московском университете во время учебы Розанова. *Тихонравов Николай Саввич* (1832–1893) – профессор истории русской литературы, в студенчестве Розанов слушал его лекции. *Герье Владимир Иванович* (1837–1919) – профессор истории по кафедре всеобщей истории в Московском университете. Один из любимых учителей Розанова и его корреспондент. См.: Два неизвестных письма В. В. Розанова / Публ. Г. Давыдова // *Новый мир*. 2009. № 8. С. 139–150. *Стороженко Николай Ильич* (1836–1906) – литературовед. Розанов слушал его лекции по всеобщей литературе в Московском университете.

⁵ Февральскую революцию Розанов встретил восторженно. Ср.: «Воскресли “без кровавой жертвы”! Как и Христос был уже последнею кровавою жертвою и запретил навсегда таковые жертвоприношения на земле. В этом отношении не будет преувеличением сказать, что единственная “христианская революция” совершилась народом, который его вещим пророком был назван “богоносцем”. Этот ужас перед кровью и кровавостью был высказан, как мы заметили и как всем известно, в первые же дни, как только поднялся “занавес над революцией”, ее справедливым министром юстиции, и вместе народным другом и предводителем народных масс (А. Ф. Керенским. – *Т. П.*). Здесь он сказал историческое слово русского народа, и слово это запомнится летописцам» (*Розанов В. В. Мимолетное*. 1915 год. Черный огонь. 1917 год. Апокалипсис нашего времени // Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1994. С. 341; *Б. н.* // *НВ*. 1917. 2 (15) апр. С. 2).

⁶ Ср. запись в «Абрамцевских записках» С. Н. Дурылина разговора с Розановым и о. П. Флоренским в Сергиевом Посаде в доме о. Павла:

«– Вот ваша “Святая Русь”, – бросил он нам с о. Павлом. – Я всегда говорил, она – и океанная, – а там все вместе “Великая, Белая и Малая”.

Отец Павел улыбался:

– Мы неуязвимы, В. В. – Святая Русь у нас под воду ушла. Потонувший град. В. В. как-то отмахнулся словом и страстно, “живчиком”, заговорил:

– Нет, в самом деле, океанная... В нашем народе подлости множество. Мужиченко, старик, из новгородской глуши, про царя говорит: “Из него надо ремней нарезать”. Чтó ему сделал царь?... Другие благородней русского человека. В трамвае ругается вслух рабочий. Мерзко» (*Дурылин С. Н. Из «Олонецких записок»* // *Наше наследие*. 2011. № 100. С. 138–139).

⁷ Повтор пассажа из сборника 1905 г.: «Мы обращаемся к Гилярову-Платонову, труды которого начали выходить, и к произведшим в свое время большое впечатление “Запискам из истории ученого монашества” почившего архиепископа одесского Никанора. Оба автора, насколько они касаются Церкви и вращаются около церковного интереса, говорят с безмерною к ней любовью и бесконечною ей преданностью. Но в то же время невозможно не заметить, что как только речь из общей фразеологии переходит к чему-нибудь конкретному, нужному, материальному, и очень дорогому и страшно полезному, — она начинает скользить около имен чиновников. И, например,

нам памятни глубоко благодарственные слова за заботливость о положении духовных училищ, обращенные которым-то из них к Протасову, оставившему почему-то в печати и истории не симпатичную о себе память. В одном месте арх. Никанор записывает общее, итоговое впечатление от петербургских дел: “все, что делается доброго, – делается не нами, а светскими чиновниками” (в Синоде). Да почему так? — Да потому же, почему Палестинское общество “сделано и делается” светскими людьми; ими же сделано “Общество духовно-нравственного просвещения в духе православия”, и без числа — богаделен, больниц, общества призрения малолетних преступников, предохранения падших девушек, и, словом — все необъятное дело Наступающего (употребим опять большие буквы) Грядущего и Живой Совести» (Розанов В. В. Интересные книги, интересное время и интересные вопросы / Около церковных стен // Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 38). И далее на с. 39 рассуждения в том же духе.

⁸ Розанов цитирует «Марсельезу» с купурой: «Allons, enfants de la patrie». Ср. у о. П. Флоренского: «“Allons, enfants de la patrie” у Достоевского в “Бесах” превращается в пошленький вальс» (Флоренский П., свящ. Философия культа (опыт православной теодицеи). М., 2004 С. 134).

⁹ Первая статья в НВ за подп. «Обыватель» – «В Совете рабочих и солдатских депутатов» (13 апр.), последняя – «Не те слова, не те думы» (16 авг.). Статьи января–августа 1917 г. должны были войти в книгу «Черный огонь», которую Розанов не успел подготовить (републ.: Розанов В. В. Мимолетное. 1915 год. Черный огонь. 1917 год. Апокалипсис нашего времени). Отсутствие средств к существованию стало одной из причин переезда Розановых в Сергиев Посад. НВ было закрыто по постановлению Петроградского ВРК 26 окт. (8 нояб.) 1917 г.

¹⁰ *Кожевников Владимир Александрович* (1852–1917) – друг и ученик Н. Ф. Федорова, вместе с Н. П. Петерсоном отредактировал и издал на свои средства два тома «Философии общего дела» (Федоров Н. Ф. Философия общего дела. Верный, 1906. Т. 1; М., 1913. Т. 2). Темой его многочисленных сочинений была проблема религии и культуры, науки и веры, философии и теологии. Так, он всю жизнь писал труд «История обмирщения европейской культуры», выросший до 30 томов. Из изданного им самое известное исследование – «Буддизм в сравнении с христианством». Участник Кружка москвичей (кружок Ф. Д. Самарина), Кружка ищущих христианского просвещения (кружка М. А. Новоселова). См.: Шохин В. Г. Предисловие // *Кожевников В. А. Буддизм в сравнении с христианством*. М., 2002; *Кожевниковы Д. А., А. Д. Предисловие // Кожевников В. А. Н. Ф. Федоров. Опыт изложения его учения по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам*. М., 2004; *Федоров Н. Ф. Собр. соч.*: В 4 т. М., 1995, 1997, 2005; Переписка П. А. Флоренского и В. А. Кожевникова / Публ. игумена Андроника (Трубачева), И. В. Дубининой, А. В. Шургаия; коммент. И. В. Дубининой, А. В. Шургаия (с участием С. М. Половинкина) // *Вопросы философии*. 1991. № 611. Письма В. А. Кожевникова Э. Л. Радлову: ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, ед. хр. 727. См. о нем письмо Розанова о. П. Флоренскому от 12 сент. 1916 (ЛП-2. С. 388–389).

¹¹ На рубеже 1890–1900-х гг. Розанов с симпатией относился к еврейству, издал сборник «Юдаизм» (1899). Но в «Новом пути» он уже настаивал на особом отношении евреев к крови. После 1911 г., вернувшись от нового религиозного сознания к христианству, перешел к резкой критике еврейства и принял участие в обсуждении «дела Бейлиса», выступая на стороне обвинения. Написал антисемитскую книгу «Сахарна» (1913), публиковался в «Земщине». После заседания Религиозно-философского общества, посвященного его исключению (26 янв. 1914), направил письмо А. В. Карташеву

о добровольном уходе. В книге «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (СПб., 1914) доказывал, что евреям для совершения обрядов необходимы ритуальные убийства. «Последние листья» (1917) еще целиком проникнуты антисемитизмом, но позже Розанов опять осудил свои антиеврейские взгляды: «Живите, евреи. Я благословляю вас во всем, как было время отступничества (пора Бейлиса несчастная), когда проклинал во всем. На самом же деле в вас, конечно, “цимес” всемирной истории: т. е. есть такое “зернышко” мира, которое – “мы сохранили одни”. *Им живите*» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2005. С. 58).